

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЕГ СИНИЦЫН
СПЕЦХРАНИЛИЩЕ.
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Спецхранилище

Олег СИНИЦЫН
Второе пришествие

«Автор»

2008

Синицын О. Г.

Второе пришествие / О. Г. Синицын — «Автор»,
2008 — (Спецхранилище)

Затерянный в тайге военный поселок, в котором проводились засекреченные исследования внеземных форм жизни, блокируют таинственные космические агрессоры. Валера Стремнин, отставной офицер, а ныне зэк, несправедливо осужденный по обвинению в уничтожении госимущества, – единственный, кто оказывается за пределами блокады. По лесам, наводненным жуткими существами, ему предстоит проделать нелегкий путь к сопке Улус-Тайга, чтобы предотвратить страшную катастрофу, пришедшую на Землю из глубокого космоса...

© Синицын О. Г., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Сеницын

Второе пришествие

Глава 1

ПРОЕКТ «ЛЕДНИК»

Ковер тайги простирался насколько хватало глаз, до самого горизонта. Сквозь немытое окно я видел зыбкую тень вертолета, скачущую по кедровым сопкам. От туго застегнутых наручников затекли кисти. Я понятия не имел, куда меня везут, да еще на вертолете. Для особ вроде меня специальный вертолет под зад не подгоняют. Таких особ заталкивают в зарешеченный вагон и отправляют по этапу вместе с другими осужденными. А я, капитан в отставке Валерий Стремнин, был осужден. Суд приговорил меня к пяти годам колонии за то, что я спас кучу народа.

– Не смотреть в окно! – одернул сопровождающий.

Он развалился на сиденье, закинув ногу на ногу. На нем была арктическая куртка с капюшоном, отороченным песцом. Лицо гладкое, взгляд колючий, неприятный. Годков на пять моложе меня, значит, около тридцати. Он принял, не представившись, мою несравненную персону с рук на руки у охраны лагеря, заковал в наручники и сопроводил в ожидавший за воротами вертолет.

– Слушай, как тебя там, браток...

– Братки на зоне остались. Меня называй «товарищ капитан».

– Товарищ капитан, не будь гадом, ослабь браслеты, руки затекли.

Сопровождающий ухмыльнулся и, проигнорировав мою просьбу, потянулся к лежавшей на соседнем сиденье стандартной картонной папке с отгиском «Дело №...» на обложке.

– Полет будет продолжаться час двадцать, – объявил он, раскрывая папку на колене и перебирая в ней какие-то листки.

– Может, объясните, куда летим? Какой-то странный этап.

– Ты направляешься не по этапу. По согласованию с Федеральной службой исполнения наказаний Валерий Стремнин привлечен к работе в научно-исследовательском проекте.

С моего лица в тот момент можно было писать картинку для учебника психологии, раздел «Изумление и растерянность».

– Где?

– В научно-исследовательском проекте, – с расстановкой повторил капитан.

Меня разобрал смех.

– Слышь, начальник, это какая-то ошибка. Я всю жизнь провел в сухопутных войсках и к науке не имел отношения. Я из науки помню только обложку учебника по физике за восьмой класс.

Капитан оторвал взгляд от бумажек и выразительно посмотрел на меня.

– А никто не говорит, что ты будешь выращивать стволовые клетки. Нас интересует твой опыт другого рода. – Он выдержал паузу. – Ты имел контакты с внеземным разумом.

– С чем?

– С внеземным разумом.

– Боюсь, гражданин начальник, вы меня с кем-то перепутали. – Для убедительности я еще хотел недоуменно развести руками, но звякнувшая цепь наручников помешала. – Я был осужден за уничтожение государственного имущества, а про... как вы сказали? Внеземной разум, правильно? Про него я лишь в кино смотрел. Вы это, лучше поверните вертолет назад,

пока не поздно, а то напрасно керосин сожжете. Обидно тратить впустую казенное горючее, пригодилось бы на полезное дело. Потому что от меня вам пользы не будет.

Пока я это говорил, сопровождающий лениво перебирал листы в папке. По завершении моего монолога он извлек фотографию и показал мне. От воздушных завихрений, в которые угодил вертолет, его рука моталась, но я разглядел изображение. В хрустально-голубой ауре покоилась серая уродливая голова с огромными глазами, спрятанными под пленкой смеженных век, и с маленьким ртом. В кадр попала лишь она – ни тела, ни плеч, ни шеи.

– Встречался с такими?

Я наклонился к снимку, почти коснувшись носом матовой поверхности.

– Угу, – заключил я. – У нас в колонии таких хоть пруд пруди. Но я, знаете, не из тех, кому доставляет удовольствие разглядывать генетических уродов. Вот если бы вы показали фотки голых баб – это другое дело! С этим в колонии нехватка. Капитан колюче глянул на меня из-под нахмуренных бровей и убрал фотографию в папку.

– Голых баб не держим, – пробурчал он сквозь зубы. – Что ж, не хочешь разговаривать, не надо. Пообщаемся, когда прилетим на место. Тогда и наручники ослабим, если у тебя к тому времени руки не отвалятся.

Капитан бросил документы на пустое сиденье и закурил.

Я жадно смотрел, как он смачно втягивает дым, а потом вальяжно выталкивает его порциями из горла. Сукин кот в штатском меня провоцировал. Но я не мог доставить ему удовольствие почувствовать себя хозяином положения, а потому с независимым видом откинулся на спинку сиденья, словно мне вовсе не хотелось отдать печень за сигарету.

– Очень жаль, начальник, но мне действительно нечего сказать.

Полтора года назад я спас множество жизней. Мой рассказ об этом называют бредом, хотя многие помнят странные сообщения, появившиеся на телеэкранах по всему свету. Именно я не позволил, чтобы с этих экранов в наш мир ворвалось нечто ужасное. Земля тогда находилась на грани катастрофы, но я все вернул на круги своя. Даже приблизительно не назову, сколько народу должны меня благодарить – без преувеличения счет идет на миллиарды. В высших кругах знали об операции, но вместо положенных наград и почестей я оказался за решеткой как уничтожитель государственного имущества. Не стану отрицать: кое-что из обвинений справедливо. Но неужели миллионы спасенных жизней не стоили бесполезного камня, хранившегося на старом военном складе!

Первыми, кто посетил меня после заключения под стражу, были люди из ФСБ. Они внимательно выслушали мой рассказ, заверили, что все уладят, напомнили о мерах, которые мне угрожают в случае оглашения секретных сведений, и бесследно растворились во времени и пространстве. Началось следствие, потом суд, а люди из ФСБ не желали материализоваться. Во время процесса я каждый день ждал, что в кабинете прокурора раздастся телефонный звонок и из трубки донесется проникновенный, трогаящий душу голос: «Вот этого не трогайте, ребята. И вообще, немедленно освободите его. Это наш тайный герой, о чьем подвиге станет известно только через десятилетия. Так что закройте дело и забудьте, что оно когда-либо было...» Так вот, ничего подобного. Впяли пять лет колонии – и все дела. И напрасно весь следующий год я ждал, что кто-нибудь из ФСБ или Министерства обороны вспомнит обо мне и приедет объяснить причину столь странной амнезии по отношению к герою. Никто не приехал. Я как одноразовый презерватив – выполнил свою функцию и отправился в мусорное ведро.

За полтора года, проведенных в робе зэка, мне довелось о многом подумать. Ничто так не способствует мыслительному процессу, как таежный воздух, физический труд и изоляция от нашего беспокойного общества. Размышления привели меня к простому выводу: больше никогда, никогда не геройствовать, не помогать другим и не взваливать на себя ответственность. Лучше отсидеться в сторонке, пока другие рвут на себе тельняшку и бросаются под

пулеметный огонь – и нервы бережешь, и организм целее. Прежде всего заботиться нужно о себе, потому что никто другой за тебя это не сделает. Эгоистично? Что поделать, жизнь учит, а я всегда был прилежным учеником. Поэтому, даже если на улице годовалый малыш уронит на асфальт любимую бутылочку с молоком, я безразлично пройду мимо.

Мой адвокат, недавно закончившая юридический, сказала, что если я буду вести себя примерно, то досрочное освобождение – вполне реальная перспектива. Эти слова грели душу. Видит бог, что больше всего на свете я мечтал вернуться к семье, к Юльке и Настеньке, которые ждали меня с нетерпением. Я видел перед собой эту цель и образцово-показательно двигался в ее направлении, избегая соблазнов нарушить режим, этих непременных спутников лагерной жизни. И все шло как по маслу до тех пор, пока в комнате для посещений не возник незнакомый капитан в арктической куртке, у которого на лбу были написаны мои новые неприятности.

Никто не спрашивал, хочу ли я с ним лететь, – проводили под конвоем в вертолет и помахали ручкой на прощание. Однако в воздух я поднялся с твердым намерением ни во что не ввязываться.

Вертолет долго плыл вдоль заснеженного хребта. Потом мы прошли над лесистым отрогом, и тайга расступилась, освобождая пространство для маленького поселка. Две панельные пятиэтажки, котельная, водонапорная башня, хозпостройки... Я глядел на них, и меня не покидало чувство, что я вижу далеко не все. Нечто куда более важное осталось за кадром. На скрытый объект указывала серо-зеленая вышка на вершине сопки, которую облепляли дециметровые и параболические антенны, направленные во все стороны света. Кто бы ни жил в этом поселке, им нравилась спутниковая связь, видеоконференции и широкополосный Интернет.

О приземлении известил мягкий толчок. Сопровождавший меня капитан открыл дверь, из которой дохнуло морозным воздухом, накинул на голову капюшон и устало махнул рукой:

– Вылезай!

Я спрыгнул на расчищенные от снега бетонные плиты. Холодный воздух с примесью топливной гари проник в грудь, вызвав легкий кашель.

– Подавился, что ли? – поинтересовался капитан.

– Воздух свободы в глотке застрял.

– Ну-ну. – Он толкнул меня в спину, направляя к одинокому уазу на краю летного поля. Шагая к машине, я оглядывался по сторонам. Не могу сказать, что поселок отвоевал у тайги достаточно земли. Угрюмая стена хвой прижимала постройки к хребту, отбирая значительную часть дневного света. Как здесь люди живут? Я бы в таком месте чувствовал себя невесело, даже учитывая, что моя нынешняя обитель далеко не Куршевель.

По расчищенной дороге мы проехали не более километра. Когда сопка над нами увеличилась, заняв все пространство окна, уазик остановился возле контрольно-пропускного пункта, охраняемого солдатами внутренних войск МВД. Эти ребята обычно несут службу на особо важных государственных объектах, в том числе – атомных электростанциях. Интересно, что они стерегут здесь? Пока сопровождающий предъявлял свой пропуск и документы на меня, я отметил на железобетонном заборе сетку объемных датчиков, а на столбах – коробочки видеокамер наружного наблюдения. Рядом с КПП поднимался внушительный бугор дота, из которого выглядывал пулеметный ствол.

– Миленько, – пробормотал я.

Миновав ворота, мы подкатили к четырехэтажной бетонной коробке. Табличка у входных дверей гласила: «Филиал НИИ экологии и радиации». Больше никаких уточнений. На проходной наши документы еще раз проверил пытливый сержант, после чего мы вошли в лифт.

Сопровождающий достал из кармана маленький ключ и вставил его в скважину на кнопочной панели. Кабина загудела и неожиданно пошла вниз. Прижимаясь спиной к задней

стенке, я наблюдал, как на табло перекидываются светодиодные полоски, из которых складывались цифры: «1»... «0»...

– Сейчас ты предстанешь перед серьезными людьми, – начал объяснять капитан. – Веди себя прилично. Молчи и слушай, что будут говорить. Начнут спрашивать, сильно не умничай.

Я молчал и слушал, не сводя глаз с табло, на котором уже светилось: «– 1»... «– 2»...

– И еще настоятельно рекомендую вспомнить, о чем мы говорили в вертолете. Усек?

Я не ответил.

На цифре «– 3» кабина остановилась. Створки раздвинулись, и мы вышли в бетонный коридор, заканчивающийся вдалеке огромной, герметично закрывающейся дверью из нержавеющей стали.

Однако до нее мы не добрались.

Капитан свернул налево, и мы оказались в комнате с длинным столом и двумя десятками стульев. Сейчас такие помещения называют «брифинг-рум», то есть «комната для переговоров». Переступая через порог, я неловко скрипнул галошей по ламинату, и на меня тотчас воззрились две пары глаз. Одни, серые, принадлежали худому нескладному мужчине в мятом пиджаке, чей рассеянный взгляд выдавал работника умственного труда. Мужчина расхаживал по комнате и курил. Хозяйкой черных очей оказалась полноватая миловидная женщина в свитере домашней вязки. Она сидела за столом и отмахивалась от дыма. В дальнем конце комнаты, в торце стола, склонившись над бумагами, что-то писал еще один человек, широкоплечий и властный. Глаз он на меня не поднял.

– Гутен морген! – обратился я к присутствующим со зверской улыбочкой. Вкупе с фуфайкой, валенками и трехдневной щетиной вид у меня был как у чистокровного зэка.

– Это он? – Работник умственного труда слегка попятился от новоявленных гостей.

– Не волнуйтесь, Григорий Львович, – заверил мой сопровождающий. – Никакой ошибки.

– Как-то он не похож на того, о ком нам рассказывали. – Пепел с сигареты упал Григорию Львовичу на пиджак. – Вы уверены, что его можно посвятить в наши дела?

Последняя фраза относилась к человеку в конце стола.

– Решение приняла Комиссия. – Я вдруг понял, что мне до жути знаком этот голос. – И каким бы ни было наше мнение, мы вынуждены подчиниться.

Перо закончило фразу, поставило энергичную точку и легло на столешницу. Писавший поднял голову, и в меня уперся неподкупный взгляд, поколебавший самоуверенность вашего покорного слуги. Сказать, что мне знаком этот человек, было бы издевательством по отношению к истине. Я знал его как свои пять пальцев. Просто не ожидал встретить здесь.

Совсем не ожидал.

– Эдик, что у него с руками! – возмутилась женщина. У нее оказался глубокий и приятный голос.

– Он преступник, Любовь Андреевна, – объяснил капитан, – а потому должен содержаться в наручниках. К тому же я несю за него ответственность.

– Немедленно расстегните!

Взгляд Эдика метнулся в дальний конец стола. Оттуда последовал слабый кивок. Эдик достал из кармана ключ, и стальные кольца спали с моих запястий. Закусив краешек нижней губы, чтобы не простонать от боли, я помял багровые кисти, разгоняя кровоток.

– Проходи, – сказал человек в конце стола. – Мы тебя заждались.

– Неужто меня не подводит зрение! – Я изобразил шутовское удивление, пряча за ним потрясение. – Какие люди, Сергей Палыч! Как же тебя занесло в такую даль от московского кабинета? Столько лет блестящей карьеры – и вдруг Сибирь. Не на того фаворита поставил?

– Они что, знакомы? – тихо спросила Любовь Андреевна у научного работника. Тот нервно пожал плечами.

– По крайней мере, меня не вышвыривали из армии за пьянство и мордобой, – последовал спокойный ответ.

Этот человек всегда знал, как задеть меня за живое.

– Сядь, не маячь. – Ладонь Эдуарда подтолкнула меня к ближайшему стулу.

Я вдоволь насиделся в вертолете, но совету последовал, разместившись на небольшой площади с максимальным комфортом: забросил ногу на ногу, облокотившись локтем на спинку. Для полного счастья не хватало сигареты, но вряд ли кто-нибудь предложит мне это маленькое удовольствие. Спасибо, хоть наручники сняли.

Эдуард за моей спиной закрыл дверь. Человек в конце стола откинулся в кресле:

– Григорий Львович, можете начинать.

Научный работник нервно затушил окурочок в стеклянной пепельнице, поморщился и про-изнес:

– То, что вы сейчас услышите, – слова его явно относились ко мне, – на первый взгляд может показаться невероятным, даже шокирующим. Хотя, если не ошибаюсь, о некоторых вещах вы имеете представление... Моя фамилия Штильман, я заместитель руководителя проекта «Ледник» по научной части. Как вы понимаете, табличка при входе в институт является прикрытием. Мы не имеем отношения к экологии и радиации. Мы работаем над уникальной программой, объединяющей под одной крышей специалистов разных профессий и направлений. Наше руководство приняло решение привлечь и вас. – Он озадаченно уставился на мои валенки, словно усомнившись в принятом решении. – А подписку с него взяли?

Подписку о неразглашении Эдуард стряс с меня еще до посадки в вертолет. Вообще я не любитель ставить свою закорючку где попало, но он пригрозил, что отказ будет приравнен к государственной измене, а это влечет за собой увеличение срока.

Эдуард утвердительно кивнул, и Штильман, взявшись за лоб, продолжил, тщательно подбирая слова:

– Однако начать рассказ мне придется не с разъяснения целей проекта, а с описания проблемы, неожиданно возникшей перед нами. В последние несколько месяцев в районе Западной и Восточной Сибири участились случаи появления НЛО возле войсковых частей, лабораторий и секретных баз. Командование Вооруженных сил не придавало бы значения этому факту, если бы не стали пропадать люди, в большинстве своем – военнослужащие. Так, шестнадцатого августа под Красноярском при невыясненных обстоятельствах из расположения части исчез старший сержант Сапрыкин... – Его голос надломился. – Через три дня в нескольких километрах нашли его тело, обескровленное, с вырезанными глазами яблоками и гениталиями.

Любовь Андреевна внимательно изучала мою реакцию. Если рассказ Штильмана и тронул ее чувства, то она не подала вида. По лицу человека в дальнем конце стола прочесть эмоции вообще было невозможно.

– Двадцать третьего сентября, – продолжал Штильман, – на окраине деревни в Екатеринбургской области на глазах у группы одноклассников НЛО захватил тринадцатилетнего Александра Воронцова. Тело подростка обнаружили через неделю в окрестном болоте. У мальчика были удалены железы внутренней секреции, части мышечной ткани, через хирургически выполненные отверстия в черепе – части головного мозга. Отмечу, что деревня расположена всего в нескольких километрах от секретного военного полигона. Еще два случая произошли в разных концах Сибири, и жертвами опять стали военнослужащие. У них были удалены органы, вырезаны гениталии, извлечен язык, глаза, выкачана кровь... Как видите, поведение пришельцев отличают зверство и бесцеремонность. Мы давно не сталкивались ни с чем подобным. Умерщвление скота и диких животных наблюдалось и ранее, но четыре человеческих жизни меньше чем за два месяца – событие неслыханное!

Он сделал несколько беспокойных шагов по комнате.

– Седьмого ноября под Якутском около семи часов утра два офицера ВВС на собственном автомобиле выехали из гарнизонного поселка на аэродром. В 7.25 этот автомобиль был обнаружен гарнизонным патрулем на обочине лесной дороги. Пилоты исчезли из салона. Рядом был найден след приземления НЛО. Через два дня в тридцати километрах от места инцидента обнаружили тела. Один из офицеров, как и в предыдущих случаях, был жутко изуродован. Другой тоже пострадал, но по невероятному стечению обстоятельств остался жив. Он не помнил ни того, где провел это время, ни откуда у него появились раны на теле. Мы провели с ним сеанс регрессивного гипноза и восстановили пропущенные воспоминания. Офицер вспомнил залитый светом хирургический стол, горбатое существо, которое удалило у него глаза и селезенку... Но важно не это. Нам удалось выяснить, что перед операцией его допрашивали. Пришельцев интересовало: известно ли офицеру что-нибудь о «Синем шипе».

– Синий шип? – переспросил я.

– Ты что-нибудь знаешь об этом? – приподнял бровь мой знакомый.

Мне даже лгать не пришлось.

– Боюсь, что, кроме органов, пришельцам не было бы от меня пользы.

Эдуард за моей спиной усмехнулся в голос. Григорий Львович задумчиво потер лоб:

– Нужно ему показать, – произнесла Любовь Андреевна.

– И правда, нет смысла тянуть, – поднялся из кресла главный.

Он сложил бумаги и обошел вокруг стола, собираясь покинуть комнату. Эдик мотнул головой, приказывая мне следовать за шефом. С небрежной улыбочкой, за которой пряталась растерянность, я поплелся за этим надменным карьеристом... Сколько себя помню, он всегда обставлял дело так, чтобы я чувствовал себя ничтожеством. Не знаю, зачем ему потребовались мои услуги, я в любом случае не собирался никому помогать, а после выхода на сцену его светлости Сергея Павловича – тем более.

Кстати, я его не представил. Познакомьтесь с моим невыносимым старшим братом.

Из комнаты для переговоров мы направились напрямик к гермодвери в конце коридора. Мне с самого начала было любопытно, что прячется за этой дурой, а неумная фантазия даже приготовила с десятков вариантов на выбор, ни один из которых, впрочем, не подтвердился... На выступающей панели старший Стремнин набрал длинный цифровой код, прижал на секунду большой палец к окошечку датчика и сообщил в микрофон имя. Внутри с глухим звуком двинулся увесистый засов, и не меньше тонны высоколегированной стали отъехало за стену, оставив неприятное ощущение мелкой вибрации. Сергей Павлович шагнул через порог, и мы по очереди вошли в просторный зал с монолитными стенами.

Не нужно заканчивать Оксфорд, чтобы в помещении, где мы очутились, узнать секретную военную лабораторию. Полтора года назад я охранял нечто подобное, только размеры моего бетонного подземелья были значительно меньше. Этот зал под таежным институтом мог вместить небольшой самолет. Возле стен тихонько гудели шкафы с электроникой, в центре располагались рабочие места с жидкокристаллическими панелями; рядом прохаживались, морщили лоб и спорили над пиками графиков в распечатках люди в белых халатах. Оборудование и персонал были как бы обращены лицом к дальней части зала, где за стеклом размещалась главная часть экспозиции. На небольшом постаменте, залитом холодным светом софитов, лежала голубоватая глыба льда, внутри которой проглядывались органические останки.

– В две тысячи третьем году приблизительно в ста двадцати километрах от этих мест был найден заледеневший гуманоид, – продолжил лекцию Штильман. – Анализ грунта, в котором он был обнаружен, позволил оценить возраст находки в десять тысяч лет. Для ее исследования, а также для работ по изучению внеземных форм жизни на базе недостроенной пусковой установки баллистических ракет был создан наш филиал и прилегающий к нему жилой комплекс.

Миновав ряды рабочих мест, мы приблизились к стеклу. За ним я увидел существо, фотографию которого Эдик мне показывал в вертолете. Подо льдом покоилась крупная нечелове-

ческая голова с телом как у подростка, длинными тонкими руками с четырьмя суставчатыми пальцами и тонкими ногами. Пришелец выглядел отталкивающим настолько, насколько может выглядеть существо из другого мира – от его вида холодели кончики пальцев и бежали по спине мурашки.

– Обратите внимание на рукав, – показал на стекло авторучкой Штильман. – Видите эмблему?

На плече полупрозрачного, почти незаметного комбинезона темнело изображение треугольника со шпилькой внутри.

– Мы полагаем, что «Синий шип» – это название межзвездного корабля, на котором он прибыл на Землю. Сам корабль, несмотря на все усилия, найден не был. Мы уверены, что повышенная активность НЛО каким-то образом связана либо с гуманоидом, либо с его пропавшим кораблем. Если бы нам удалось установить с ними канал общения и договориться об обмене, чтобы остановить террор вокруг военных объектов и гражданских поселений.

– По поводу обмена мы пока не пришли к единому мнению! – строго заметил мой брат.

– Да-да, конечно, – спохватился Штильман. Я понял, что договориться с ублюдками была его идея. – Просто будем держать в уме, что НЛО зачем-то ищут этого замороженного пришельца. Однако есть еще один нюанс, значительно все усложняющий. Взгляните на этот экран.

Он подвел меня к монитору, на который транслировался крупный план жилистого запястья твари... В отличие от романтиков, которые млеют от словосочетания «собрат по разуму», я использую именно этот термин. На мой взгляд, он максимально точно отражает сущность этих созданий, сблеванных космосом. Так вот, тонкое жилистое запястье твари охватывал браслет с прозрачным диском, похожим на стекло от лупы, едва различимым среди льда. Внутри него горели три красных иероглифических знака. За те несколько секунд, пока я их рассматривал, крайний справа поменялся.

– Похоже на таймер, – заключил я.

– Мы тоже так решили, – согласился Штильман. – В две тысячи третьем году было четыре позиции цифр. К настоящему моменту, как вы видите, осталось три. Явно идет обратный отсчет... – Он помялся. – Мы немного ошиблись в интерпретации их временного масштаба. Думали, что у нас в запасе есть несколько лет. Однако недавно математики выдвинули новую, по их словам, более точную теорию, согласно которой до конца срока остаются вовсе не годы, а девять дней. Поэтому мы торопимся. Прежде чем показания обнулятся, мы бы хотели разобраться в функции этого таймера.

Я поглядел на заострившиеся черты лица под хрустальной оболочкой.

– Полагаете найти у него в кармане памятку насчет этих тикающих часиков?

– Даже если бы она оказалась, что весьма сомнительно, одной памятки нам будет недостаточно. Если вы еще не поняли, пришелец находится в выпущенной с корабля криогенной капсуле. Он в анабиозе.

Только сейчас я обнаружил, что глыба имеет правильную овальную форму, а на одном ее краю равномерно мигает теплое розовое пятно.

– Криосистема исправно функционирует, а наши приборы ловят биоритмы пришельца. Он жив, но пребывает в глубоком сне. Однако таймер на запястье не связан с системами заморозки, как может показаться на первый взгляд. Капсула способна хранить тело еще лет пятьдесят. Тогда что означает отсчет? Чтобы ответить на этот вопрос, мы собираемся разморозить пришельца для допроса.

Я обвел взглядом присутствующих, но лица всех четверых были предельно серьезны. Они не шутили.

– Мы очень долго готовились к вскрытию криокамеры: разрабатывали варианты, исследовали пробы льда, создавали оборудование для адаптации, подбирали специалистов. Для

установления непосредственного контакта с гуманоидом и формирования общей стратегии допроса была приглашена Любовь Андреевна, один из выдающихся психологов нашей страны.

Женщина склонила голову и улыбнулась.

– Но одних ее усилий будет недостаточно, поэтому понадобились вы. У вас есть то, чего нет у собранных здесь талантов. Опыт общения с внеземным разумом!

Вот зачем я понадобился. Им нужен мой опыт. Оказывается, и от эков бывает польза, кроме вязания носков и изготовления табуреток.

Я поскреб щетину.

– Вы ошиблись. Нет у меня никакого опыта.

– Но вы же... – опешил Григорий Львович, – полтора года назад... у вас был контакт.

– С чего вы взяли?

Мой старший брат посмотрел на Эдика. Тот извлек из папки несколько скрепленных листков и зачитал:

– Выдержка из телефонного доклада полковника Гордеева члену комиссии Икс. «При боевом контакте с пришельцем Стремнин не только перенес телепатическую атаку, но и сохранил в неприкосновенности информацию о тайнике, где был спрятан инвентарный объект ноль-ноль-один, необходимый гидропоидам...» – Он перевернул несколько листков. – Или вот еще: «Стремнин по собственной инициативе взял в плен гидропоида, провел его первичный допрос и получил важные сведения о планах агрессоров в отношении объекта Коровьино-4...»

– Что скажешь? – спросил мой братец.

– Это был не я.

– А кто? Дед Мороз?

– Понятия не имею. Мало, что ли, Стремниных в России? – Я глянул на него многозначительно.

– Ты чего, не догоняешь? – попер на меня Эдик. – А может, это таймер инопланетной бомбы? Опасность может угрожать всему населению Земли!

– Войны, эпидемии, бюрократы – жителям Земли всегда что-то угрожает. Слушайте, не пора заводить вертолет? Я хочу успеть на зону к ужину.

Если они хотели предьявить козырь – дескать, отдохнешь у нас недельку от лагеря и заодно поможешь, то я объявил новую масть, которую им нечем было крыть. В нашей части зала повисло недоуменное молчание. Рядом за стеклом холодно светили софиты и продолжал спать гуманоид.

Старшой хмуро поглядел на мыски своих начищенных ботинок, потом подошел ко мне настолько близко, что я ощутил запах его одеколona.

– Слушай сюда, недоносок, – произнес он, глядя мимо меня. – Я не в восторге, что тебя посвятили в дела. Более того, я активно возражал против твоего привлечения к проекту, но наверху решили иначе. Поэтому, раз ты оказался здесь, тебе придется кое-что усвоить. Тут тебе не у мамы на юбилее. Тут решаются вопросы государственной безопасности. У меня нет времени как обычно тебя воспитывать, взывать к совести, просить об одолжении. Привезли сюда – будешь помогать, пыжась изо всех сил, до красных кругов в глазах, без своих кривляний, ухмылок и шуточек. Имей в виду, в любой момент я буду счастлив отправить твою небритую харю назад, откуда ее вытащили по недоразумению. И не надо заливать, будто мечтаешь вернуться на зону. Я ж тебя знаю как облупленного.

– Сережа, ну что вы прицепились к человеку! – вступилась за меня Любовь Андреевна. – Он только что с дороги. Дайте ему передохнуть. Совсем вопросами замучили.

– Любовь Андреевна мудрая женщина, – смягчил тон старший Стремнин, отступив на шаг. – К ее словам следует прислушаться, хотя она тебя не знает так, как я... Эдик, разместишь его в общежитии, насчет комнаты я распорядился.

– А где он питаться будет?

– В нашей столовой. Получишь талоны у Григорьева, он в курсе. Завтра в десять жду здесь обоих. Все.

Эдик взял меня за локоть.

– Пошли.

– Было приятно познакомиться! – Я обвел взглядом присутствующих. От моей бандитской ухмылки лицо Григория Львовича снова сделалось таким, словно его вот-вот хватит инсульт. – Надеюсь, нас ждет долгое и плодотворное сотрудничество!

– Пошли, пошли, – потянул меня за локоть Эдик.

В его сопровождении я направился к выходу.

Так я оказался привлечен к проекту «Ледник». Несколькими днями позже, прячась под таежными деревьями и со страхом вслушиваясь в необычные звуки, раздающиеся с неба, я иногда думал: а что, если бы меня отправили назад? Вряд ли это изменило бы ситуацию. Механизм был запущен, и никто не мог замедлить его ход. А Бульвум все-таки помог. Здорово помог, серый большеголовый пройдоха.

Глава 2 ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ФЕРГОВ

Утро следующего дня выдалось ясным, морозным. Гладко выбритый и выспавшийся, я с удовольствием прогулялся по хрустящему снежку под конвоем Эдика от поселка до институтского комплекса. По пути к охраняемым постройкам, прижатым к основанию сопки, я еще раз повторил про себя, что не буду ввязываться в мероприятия, организованные моим братцем. Так, понаблюдаю со стороны. Хотя было интересно, удастся ли им пробудить организм, выдержанный во льду десять тысяч лет? А вот дальше... Будь моя воля, я бы этот организм сразу после окончания эксперимента отправил обратно в анабиоз, причем обязательно чем-нибудь увесистым.

В чередѣ моих темных будней вчерашний вечер получился светлым пятном. После зоны с населяющими ее первобытными персонажами очутиться среди ученых, что-то бурно обсуждающих на очищенных от снега дорожках, молодых мам с колясками, гукающих за стеной младенцев, шелчков мальчишечьих клюшек, раздающихся с хоккейной площадки, – все это было как маленький отпуск в раю. Полтора года за колючей проволокой затерли чувства, словно напильником. Однако вчера вечером они оттаяли, и я вспомнил, какой прекрасной бывает жизнь свободных людей, каким роскошным подарком их наградила судьба.

Меня поселили в общежитии для офицеров внутренних войск. Крохотная комнатка с маленьким окном, откуда открывался вид на лесистый склон, когда-то служила кладовой. В ней умещалась лишь кровать и лакированная тумбочка, но мне и этого было достаточно. Когда я вошел в казенный номер, на кровати поджидала стопка одежды: рубашка, брюки, свитер, белье; на вбитом в дверь гвозде висела зимняя куртка, а на коврикѣ стояли высокие ботинки. Вещи были новыми, с военного склада, пахнувшими кожей, краской и сукном. Только свитер, теплый и легкий, был явно домашней вязки. Я немедленно сбросил лагерную одежду и облачился в гражданское. Хотя бы временно можно почувствовать себя человеком.

Одноэтажное здание столовой ютилось между общежитием и многоквартирным домом для сотрудников НИИ. К семи часам вечера в зале собралось приличное общество из ученых и офицеров с семьями. Возле буфета в очереди за пирожками толкались солдаты-срочники. Набрав на раздаче разных блюд, с подносом в руках, я отправился следом за Эдиком в поисках свободного столика.

– Валерий Павлович! – окликнул кто-то.

Мы с Эдиком дружно повернули головы.

От окна махала Любовь Андреевна. Ее соседом по столику был семилетний щекастый крепыш, с презрением ковыряющий ложкой гречневую кашу.

– Присаживайтесь, – пригласила она. – У нас свободно!

Скупѣ пожелав ей приятного аппетита, Эдик опустился на потертый стул, показывая своим примером, что я должен сделать то же.

– Вам понравился свитер? – поинтересовалась психолог, когда я разделался с салатом из морской капусты и собирался приступить к сарделькам и грече.

– Миленькая вещица.

– Это я связала.

– В самом деле? У вас золотые руки.

– Да бросьте! – засмеялась она. – Просто балуюсь вечерами, чтобы освободить голову от работы...

Фамилия у нее была Симонова, как у актрисы, игравшей в «Обыкновенном чуде». Любовь Андреевна закончила медуниверситет в Санкт-Петербурге, изучала мышление и мотивы.

вазии, была отмечена международными наградами и одной премией правительства. Перебраться в поселок Научный ее пригласил Штильман, заинтриговав редкой возможностью покопаться во взезном разуме. Мужа у нее не было, поэтому Любовь Андреевна долго не раздумывала – собрала вещи, взяла за руку сына и прилетела сюда. Обо всем этом я узнал на следующий день, пока мы томились в ожидании начала эксперимента по выковыриванию гуманоида из ледяной скорлупы. В столовой же, как объяснил Эдик, разговаривать о «Леднике» запрещалось. Не все сотрудники института были посвящены в истинную суть проекта. Многие инженеры, врачи, биологи, электронщики, программисты зачастую выполняли работы, напрямую не связанные с проблемами пришельцев, и свято верили, что их труд идет во благо экологии. В общем, не у всех имелся допуск на минус третий этаж.

– Вы очень похожи, – сказала Симонова, когда Эдик отлучился за второй порцией компота. Русые волосы мягко обрамляли ее приятное улыбочивое лицо.

– Похож на кого? – не понял я.

– На брата.

– Меня до конца дней будут с ним сравнивать, при этом обязательно упрекая, что я не такой же правильный, как он.

– Я бы не стала никого упрекать. Люди должны быть разными.

– Как он здесь оказался? Раньше Сережа делал карьеру в ФСБ.

– Его назначили руководителем проекта. Сергей Павлович координирует научную и силовую части.

... Не знаю, почему следующим утром, шагая к филиалу НИИ, мне вспомнилась участливая женщина Любовь Андреевна. Возможно потому, что от общения с ней дохнуло милым, уютным, домашним.

В секретной лаборатории подземного комплекса собралось человек двадцать ответственных специалистов, принимающих участие в проекте. Все рабочие места были заняты. Привалившись плечом к стене, я скучал в глубине зала возле гудящих шкафов с электроникой. Место перед монитором для меня не нашлось, но оно мне было и не нужно. Эдик куда-то запропастился, и я какое-то время стоял один, пока ко мне не присоединилась Любовь Андреевна. Ей тоже не нашлось места за пультами – ее работа начнется только завтра.

Загороженная стеклом дальняя часть зала, залитая светом софитов, напоминала театральные подмостки, на которых вот-вот разыграется представление, в то время как погруженный в полутьму партер со зрителями притаился в ожидании. Мой брат, сложив руки за спиной, изображал важную птицу, прохаживаясь взад-вперед перед стеклом, за которым голубел массив ледяной капсулы. Периодически воздух оглашали доклады специалистов о температуре льда, характере кардио- и энцефалограммы гуманоида.

– Сегодня пройдет первая фаза эксперимента, – шепотом объяснила Любовь Андреевна. – Ученые попытаются вывести пришельца из анабиоза. Если процесс пройдет успешно, врачи около суток будут наблюдать за его состоянием. В случае положительного исхода попробуем провести первый допрос завтра.

– А кто будет переводить его бредятину?

– Военные располагают каким-то лингвистическим устройством. На самом деле технические детали не так важны. Гораздо больше мы опасаемся разума пришельца. Он может преподнести такие сюрпризы, которые даже невозможно представить. Понимаете, Валерий Павлович...

– Можно Валера.

– Понимаете, Валера, официально в России никто подобных допросов не проводил. Мне удалось ознакомиться с некоторыми документами, из которых следует, что в наши руки в основном попадали мертвые пришельцы, причем в большинстве своем отдельными частями.

Штильман говорил, что в конце 40-х годов прошлого века в Розуэлле состоялась серия допросов оставшегося в живых пилота НЛО. Допросы прошли очень успешно, американцы узнали о мироустройстве цивилизации пленника и других важных вещах. Однако они не делятся секретами, как им удалось его разговорить. Нам придется начинать все с нуля. Поэтому для нас очень важно иметь человека, обладающего опытом в подобных делах.

– Наверное, непросто отыскать такого.

Она посмотрела на меня с неуверенной улыбкой, не понимая, шучу я или говорю серьезно.

Ровно в 10.00 мой братец перестал бродить, повернулся к залу и, задумчиво глядя в пустоту, дал отмашку. Послышалось несколько коротких команд диспетчера, и за стекло через специальный шлюз вошли два испытателя в масках и желтых резиновых костюмах биологической защиты. Затаив дыхание, вместе с остальным залом я наблюдал, как они медленно и немного буднично обошли глыбу криогенной капсулы, встали по углам. Один размотал полупрозрачный шнур, идущий от темной коробочки у него в руках, другой подсоединил конец шнура к капсуле.

– Внешний пульт инициализирован, – донеслось из наружных динамиков.

Зал замер.

– Будьте любезны, разбудите нашего гостя, – произнес мой братец, наклонившись к микрофону. Рядом топтался Штильман, без конца поправляя пиджак и приглаживая редкие волосы.

Испытатель в желтом комбинезоне пробежал пальцами по клавишам. Я кожей ощутил, как напряглись биологи, гляциологи, электронщики и остальные участники проекта. Настал момент истины, проверка на добротность разработок, над которыми они трудились месяцами, а возможно и годами, не выгуливая отпуска, убивая зрение перед мониторами, жертвуя семейными отношениями. Сейчас все определится. Сейчас станет ясно, поднимет ли Вий веки.

Кристалльно-прозрачная поверхность глыбы помутнела. Силуэт пришельца смазался. Прошло какое-то время, и контуры инопланетной колыбели обмякли, по стенкам побежали ручейки.

– Температура на поверхности плюс четыре градуса!

– Повышение альфа-ритма на ЭЭГ. На кардиограмме пока без изменений.

Теперь было очевидно, что криокамера таяла, и довольно быстро. Ледяная крышка проваливалась, освобождая серо-голубое лицо, запястья и колени. У меня возникло нехорошее ощущение, что собравшиеся здесь проводят опыт в области некромантии, оживляя мертвеца, которого не стоило трогать – по крайней мере, до тех пор, пока не потухнет Солнце. Но они будили его, будили эту тварь, и сей процесс был мне совершенно не по нутру.

Тело пришельца полностью освободилось. Плечи и бедра еще покоились в ледяных ложбинах, которым было не суждено прожить долго. Криокамера оказалась одноразовой, как леденец. В итоге она растаяла, оставив нам мокрое худощавое тело на тонком пластиковом лотке.

Один из ученых неуверенно ударил в ладоши. Его поддержали другие хлопками. Кто-то негромко произнес «ура!». На мой взгляд, все эти овации были преждевременны.

– Мамочки, вот это альфа-ритм разыгрался! – задохнулся врач, явно отклонившись от инструкции по передаче донесений. – Словно он спит и бодрствует одновременно!

– Как у шаманов, – заметил другой, тоже следивший за монитором.

– Ремни! – скомандовал старший Стремнин.

Испытатели за стеклом зашевелились. Через несколько секунд бедра пришельца охватила широкая полоса из толстой кожи. Когда люди перешли к голове, чтобы вторым ремнем зафиксировать плечи, тишину зала разорвал предостерегающий голос диспетчера:

– Не хочу никого пугать, но у нас резкое повышение пу... – Он не успел закончить фразу.

Пришелец вздрогнул и открыл глаза.

Хотя местное сообщество готовилось к этому событию, больше половины зала шарахнулось в испуге, когда на сером лице возникли два белых круга. Голова повернулась. Взгляд, в котором светился древний разум, скользнул по фигурам людей, и в нем мелькнуло затравленное выражение. Пришелец дернулся, поднимая голову и одно плечо. В тот же миг по подземелью пронесся невидимый вихрь. Несколько жидкокристаллических панелей сдвинулись с мест. Со столешниц посыпались клавиатуры, кофейные стаканчики, листки документов, в воздухе, как саранча, замелькали канцелярские скрепки. Позади меня в шкафу с электроникой что-то треснуло и испустило запах горелой изоляции.

– Телекинез! – зачарованно выдохнула Любовь Андреевна.

За стеклом завязалась борьба. Испытатели в желтых комбинезонах не давали пришельцу встать и собирались подтвердить свои намерения, наложив ремень ему на плечи. В ответ последовал невидимый пинок, и одного из них отшвырнуло с такой силой, что бедолага пробил спиной заградительное стекло и, сопровождаемый водопадом осколков, рухнул в аппаратный зал.

– Уко-о-ол!!! – заорал старший Стремнин.

Шприц в руке второго испытателя был уже наготове. Игла с размаха вошла в серое плечо, и лошадиная доза успокоительного устремила в кровь, разбегаясь по органам и усмиряя бунтарский дух гуманоида.

Движения пришельца потеряли силу. Голова неуверенно качнулась. Он предпринял вялую попытку вырваться из ремней, но рука, упиравшаяся в край постамента, соскользнула, и шишковатый затылок безвольно упал на лоток. Веки задрожали и закрылись. Испытатель трясущимися руками наложил второй ремень, от души затянув свободный конец. Его коллега, хрустя осколками и путаясь в проводах, пытался подняться на ноги. Ошарашенные ученые медленно выползали из-за столов.

– Вот это да! – пробормотал кто-то.

Сергей Павлович отер пот со лба и тяжело оглядел зал. Его взгляд на секунду задержался на моей персоне, но я сделал вид, что потрясен увиденным не меньше остальных. Хотя на самом деле я был не очень потрясен. Вообще-то я ожидал чего-то подобного.

Прежде ремней следовало надеть металлический колпак на голову пришельца. Он экранировал бы электромагнитные волны, излучаемые мозгом – именно с их помощью он воздействует на окружение. Я об этом догадывался, но решил держать рот на замке. Поможешь раз,поможешь другой – и не заметишь, что по уши завяз в проекте. А я собирался оказаться к нему не ближе чем к Фолклендским островам. Это моя принципиальная позиция. К тому же от моего неучастия будет немного вреда. Разобьют несколько мониторов, заработают ссадин и шишек, но в итоге справятся. Их вон сколько, а пришелец один.

– Петр Сергеевич, что у нас с показателями? – спросил брат.

– Альфа-ритм вернулся в норму, – доложил врач. – Пульс замедлился и стабилизировался. Однако для детального обследования его нужно переместить в медлабораторию.

Сергей Палыч кашлянул, прочищая горло, и обратился к присутствующим:

– Считаю, что первая фаза эксперимента прошла удачно. По крайней мере, мы добились того, чего хотели, – разбудили нашего гостя. Всем спасибо! Посмотрим, что будет завтра.

Вторая половина дня пролетела в полнейшем безделье, как и начало следующего, так что новый вызов в бункер, поступивший перед самым обедом, меня обрадовал. На этот раз Эдик привел меня в другую часть третьего подземного яруса, в уставленную мониторами комнату, где уже находились Любовь Андреевна, Григорий Львович и мой ненаглядный брат. За пультами орудовали двое техников в военной форме: один в звании капитана, другой – старшего лейтенанта. Экраны в разных ракурсах показывали небольшой карцер, посреди которого, сложив на коленях скованные руки, сидело щуплое существо с крупной головой. Свет падал так, что лицо пришельца оставалось в тени. Выделялись только глаза, в которых читались ум, пре-

зрение, безразличие. Чтобы исключить новые ураганы в закрытых помещениях, лоб и виски гуманоида защищал крепкий стальной шлем, застегнутый под нижней челюстью на замок.

Старлей предложил мне стул, но я отказался. Не хотелось, чтобы Сергей Палыч подумал, будто я уже влился в его команду. Их сиятельство заметили появление младшего брата, но взглядом не удостоили. В данный момент внимание руководителя проекта было приковано к технику, сидящему рядом с ним. Вращая диск настройки, тот что-то переключал в недрах наглухо закрытого прямоугольного блока, установленного на столе. В такт движениям его пальцев в карцере раздавалась булькающая речь. От раза к разу менялись то звучание слов, то тембр, то интонация. Пришелец сидел неподвижно, никак не реагируя на устроенный ради него кошачий концерт.

– Мы не до конца разобрались в этом аппарате, – повернувшись к брату, пожаловался техник.

– Пробуйте еще! – последовал приказ.

После этого настройка продолжалась не меньше часа, к исходу которого я начал жалеть, что отказался от стула. Сейчас меня бы устроил даже колченогий табурет, но свободных мест не осталось – последний стул занял Эдик, разместившись на нем в своей любимой позе, закинув ногу на ногу. Я так и не понял, каково его участие в проекте: к работам отношения не имеет, но в курсе всего. Похоже, он – один из помощников моего брата, в настоящий момент отвечающий за мою персону на время пребывания в поселке.

На очередной фразе, прозвучавшей под сводами карцера, пришелец дернул головой. Круглые настенные часы показывали начало пятого.

– Есть! Он понял! – обрадовалась Любовь Андреевна.

– Зафиксируй эти параметры, – приказал старший Стремнин технику, потом повернулся к экрану, глубоко вздохнул и наклонил к губам стебелек микрофона. – Приветствую тебя, гость!

Слова провалились в недра настольного блока, переварились там, и в стенах карцера раздалось неразборчивое горловое бульканье. В этот раз гуманоид внимательно прислушивался к звукам. Подозреваю, что в цепочке трансформации слов не обошлось без инопланетной аппаратуры. Я уже сталкивался с такими вещами, наши специалисты порой используют в своей технике разработки пришельцев, хотя при этом непонятно, почему мы не летаем дальше Луны? Впрочем, кто знает, может, и летаем, только общественности об этом не рассказывают.

– Привет, – донесся до наших ушей неживой синтезированный голос. В комнате повисла тишина. Взгляды людей уставились на решетку динамика, откуда пришло скупое слово. Существо, которое его произнесло, было древнее египетских пирамид.

Старший Стремнин взял переговоры в свои руки:

– Мы жители планеты Земля. Мы не желаем зла. Ты будешь говорить с нами?

Долгая пауза.

– Да.

– Как твое имя?

– Бульвум.

– Кто ты?

– Пилот.

– Пилот чего?

Молчание. То ли пришелец не понял сути вопроса, то ли ему было трудно объяснить, пилотом чего он является.

– Ты – пилот межзвездного корабля? – уточнил Сергей Палыч.

– Да.

– Как называется корабль?

Ответ последовал, но технику пришлось некоторое время крутить диск настройки, чтобы лингвистический аппарат справился с переводом.

- «Синий шип», – наконец издал механический голос.
- Я был прав! – победно вскинул кулаки Штильман. Все на него зашикали.

Сергей Палыч снова наклонился к микрофону:

- К какой расе ты принадлежишь, Бульвум?
- К расе фергов.
- Кто такие ферги?
- Могущественная раса.
- Как вы относитесь к другим расам?

Пауза.

- Не понимаю.

К микрофону наклонилась Любовь Андреевна:

- Ферги предпочитают дружественные или агрессивные контакты?
- У нас нет друзей.

Штильман опасливо посмотрел на старшего Стремнина.

- Ты знаешь, где оказался? – спросил руководитель проекта.
- На одной из окраинных планет.
- Зачем?

Молчание.

- Зачем ты прилетел на нашу планету?

Молчание.

- Твое тело находилось в криокапсуле. Что произошло с твоим кораблем?
- Взорван.
- По какой причине?
- Преследовали мантийцы. По кораблю был открыт огонь.
- Зачем?
- Чтобы уничтожить груз.
- Каков был характер груза?

Снова молчание.

- Они этого добились?
- Не понимаю.
- Они уничтожили груз?
- Нет.
- Груз был на взорванном корабле?
- Нет.

Старший Стремнин сделал неловкую заминку перед следующим вопросом:

- Груз сейчас при тебе?
- Нет.
- Где же он?
- Спрятан.
- Что это был за груз?

Молчание.

- Символы на твоём браслете... Что они означают?

Пауза.

- Где браслет? – спросил пришелец.
- У нас.
- Он мне нужен.
- Что означают символы на нём?

– Мне нужен браслет.

– Он связан с грузом, который ты вез?

Молчание.

– Каким образом браслет связан с грузом?

Молчание.

– Не хочет говорить! – грохнул кулаком по приборной доске старший братец. – У тебя есть соображения?

Впервые за сегодняшний день он посмотрел на меня. Взгляд говорил, что я должен немедленно выложить ему все, что думаю, не требуя ничего взамен.

Как бы не так!

Я пожал плечами, подразумевая, что понятия не имею, как разговаривать этого Чебурашку... Хотя, если признаться, у меня были кой-какие соображения относительно ведения допроса. Проблема в том, что Сергей Палыч во вступительной речи провозгласил мирные намерения, а мои к таким не относятся. Они исключительно прикладные и грубые.

– Попробуем зайти с другой стороны, – произнесла Любовь Андреевна и наклонилась к своему микрофону: – Откуда ты, Бульвум?

– С планеты Ферг.

– Где она находится?

– Далеко.

– В другой галактике?

Молчание.

– Нет.

– В этой галактике?

Пауза.

– Да.

– В какой ее части?

– ???

– В ядре?

– Нет.

– В рукавах?

Молчание.

– Твоя планета находится в рукавах Млечного Пути?

– Да.

– В каком из рукавов?

Пришелец неловко пошевелился, будто ему чего-то не хватало. Сергей Палыч мгновенно понял причину.

– Карту Млечного Пути ему на экран! И немедленно сюда Воскобойникова!

Плечо и висок пришельца озарила бледная вспышка – рядом загорелась вмонтированная в стену телевизионная панель. Мне было не видно, что ему показывают, но на дисплее перед техником появилась, видимо, копия этого изображения, поскольку все сразу сгрудились возле него. Я заглянул в щель между плечом техника и корпусом Штильмана и увидел туманную спираль нашей галактики.

Стилузом, оставляющим красную пунктирную линию, Сергей Палыч обозначил местонахождение Солнечной системы.

– Мы находимся здесь. Где находится твоя планета? Дотронься до экрана.

Пришелец молча смотрел на карту. Нехотя коснулся ее длинным пальцем. Рукав галактики, обозначенный моим братом, увеличился. Молочный туман превратился в пылевые скопления, отмеченные астрономическими кодами.

– Это же рядом! – ахнул кто-то. Брат наклонился к микрофону:

– Покажи точнее.

Пришелец вновь тронул звездную карту, и она снова увеличилась.

– Созвездие Овна, – прогудел в нос протолкнувшийся к экрану седой старичок, пахнувший валокордином. – Пусть покажет звезду.

– Покажи звезду, – продублировал просьбу старшой.

Курсор переместился на одну из светящихся точек, образующих созвездие. Внизу высветился код: VD+20307. Я думал, что изображение снова увеличится и нам покажут систему этой звезды с разукрашенными в разные цвета планетами и кольцами орбит, как в журналах «Гео» или «Вокруг Света», но увеличения не произошло. Разрешение карты было максимальным.

Близоруко щурясь, дедок прочитал код звезды и негромко крикнул. Братец метнул на него вопросительный взгляд.

– Что?

Тот наклонился к руководителю проекта и стал шептать ему на ухо. Все это время я следил за пришельцем. Парень не отрывал глаз от экрана, на котором застыла его родная и невероятно далекая звезда.

– Вы уверены? – спросил Сергей Палыч у астронома.

– На все сто, – заверил тот. – Феномен был известен еще с девятнадцатого века, но объяснение дали лишь в июне 2005 года.

– Найдите мне снимки инфракрасного излучения этой звезды, – бросил кому-то брат и наклонился к микрофону: – Бульвум, ты слушаешь?

Пауза.

– Да.

– Боюсь, у нас плохие новости. Около тысячи лет назад на орбите этой звезды столкнулись две планеты. Сила удара была такова, что планеты превратились в пыль. Пространство вокруг звезды сейчас заполняет гигантское пылевое облако. Даже если ни одна из них не была твоей родиной, вся жизнь в системе погибла.

Спины ученых закрыли от меня изображение пришельца, поэтому я не видел его реакцию. Впрочем, она угадывалась – установившееся в камере гнетущее молчание было более чем красноречиво.

– Твоя раса могла спастись? – участливо спросила Любовь Андреевна.

– Нет, – прозвучало из динамика.

Ученые угнетенно замолчали. Мой старший брат откинулся на спинку кресла и принялся разминать шейные позвонки.

– Думаю, на сегодня хватит, – объявил он. – О похищениях людей поговорим завтра. Мы и так узнали достаточно. Главное из этого: к нам попал пришелец, чья родная планета превратилась в пыль.

Я посмотрел на настенные часы. Стрелки показывали восемь вечера. Время пролетело незаметно. Уткнувшись в мониторы, мы просидели весь рабочий день – настолько всех увлек невероятный допрос. Только сейчас я обратил внимание на требовательные позывы желудка, не получившего ни обеда, ни ужина. Ноги превратились в негнущиеся ходули. Из гордости я простоял на них без малого шесть часов, хотя мог давным-давно вольготно расположиться на стуле.

– Была эпидемия, – вдруг раздался синтезированный голос из динамика. – Большая. На нескольких планетах. В нескольких системах. Брион произвели организм. Случайно. Побочный продукт исследования. Очень быстрое деление. Пожирает все живое. Сильный организм. Нет вакцины. Невозможно остановить. Назвали «желтая плесень».

Я моментально забыл про затекшие ноги. Штильман застыл с ручкой в зубах. Мой брат остался сидеть с закинутыми на затылок руками, опасаясь убрать их, чтобы не упустить ни

слова. Рука техника скользнула к кнопке записи. Пришелец сидел неподвижно, глаза наполовину закрыты, на темном лице едва заметно шевелился маленький рот:

– «Плесень» не смогли удержать. Вырвалась. Уничтожила Брион. Уничтожила другие цивилизации... Угроза была всем живым. Остановили крайними мерами. Полная изоляция планет. Огонь. Много огня. Много жертв. Так справились. Так уничтожили «желтую плесень».

Наступила пауза, во время которой Сергей Палыч смог оторвать ладони от затылка. В тиши аппаратной звонко хрустнул сустав.

– Ферги хотели получить «желтую плесень», чтобы угрожать. Завоевывать. Покорять. Уничтожать неугодных. С последней зараженной планеты взяли образец. Тайно. Потом мантийцы сожгли планету. Но образец остался. Единственный. Сумели изолировать... – Он произнес еще какое-то слово, но лингвомашинка с ним не справилась. – Меня послали спрятать. Я сделал. На планете отсутствовал разум. Когда взлетал, напали мантийцы. Дезинтегратор. Корабль был разрушен. Я катапультировался. Долго ждал фергов. Кончилась еда. Я ждал. Не дождался. Лег в глубокий сон.

Пришелец помолчал, потом добавил:

– Ферги хотели завоевать мир. Но теперь нет фергов. Нет смысла скрывать.

– Что означают цифры на браслете? – спросил Сергей Палыч.

– Образец находится в защите. В энергетической капсуле. Цифры показывают заряд.

– Заряд источника питания капсулы?

– Да.

– Осталось три цифры.

– Плохо. Мало времени. Нет времени. Питание кончится. Защита исчезнет. «Плесень» вырвется на свободу. Быстрая эпидемия. Быстрая смерть. Всем. Мне тоже.

Щелкнула ударившаяся об пол авторучка, вывалившаяся из зубов зама по науке. У меня кадык застрял где-то в районе ключиц. Полагаю, каждый из тех, кто находился в комнате, испытал шок. Никто не ожидал узнать из сегодняшнего допроса дату апокалипсиса.

– Вы это слышали? – пролепетал Штильман, глотая воздух. – У нас под носом с давних времен хранится жуткая биологическая бомба, уничтожившая множество разумных миров!

– Нужно немедленно доложить в Москву, – пробормотал Сергей Палыч.

– Да-а, – протянул я. – Паршивый расклад. А кому-то еще придется мотаться по тайге, искать этот желтый бубль-гум.

Мой братец уставился на меня, словно только что заметил. Недоуменно хлопнул глазами. Точно. Совсем забыл про младшего брата, которого сам вызвал на допрос. Матушке на него нажалуюсь, достанется ему, она у нас крепка на слово.

– Ну-ка быстро выведите *этого* отсюда! – сердито резанул он пальцем воздух.

Эдик проворно ухватил мой локоть, потянув из комнаты. При этом ему пришлось приложить усилие, чтобы оторвать меня от пола. В коридоре он плотно затворил дверь, за которой должно было разразиться обсуждение неожиданно возникшей проблемы «миру наступает хана». Несомненно, тема обозначена грифом чрезвычайной секретности, общественности о ней точно знать не следует. Что уж говорить о простом эке!

Утром меня никуда не вызвали. Мне было крайне интересно, что сейчас творится в бетонных подземельях под институтом, какие решения там принимаются, однако первую половину дня я бесцельно просидел в своей комнатке, выкладывая на тумбочке фигурки из спичек. Зато в полдень в столовой я повстречал брата.

Мы с Эдиком как раз обедали: мой сопровождающий поглощал макароны с котлеткой, а я уминал чайной ложечкой фруктовый йогурт из пластиковой коробочки. Сергей Палыч вошел в зал, оглядел столы и направился к нам.

– Эдик, ты не видел Любовь Андреевну? – спросил он, подходя. – Мне нужно с ней срочно переговорить.

– А телефон не отвечает? – спросил тот с наполненным ртом. Получилось: «телефон не отвечает?»

– Нет.

– Когда состоится новый допрос? – спросил я.

Сергей Палыч с подчеркнутым высокомерием повернул ко мне светозарный лик.

– А для тебя, милый друг, все закончилось. Ты возвращаешься в родные пенаты.

Внутри меня все опустилось от разочарования. Честно признаться, до зуда в копчике было любопытно, чем закончится история с пришельцем и «желтой плесенью». Ведь о ней не докладывают в новостях, не напишут в газетах. Да и к поселку я как-то привык и рассчитывал хотя бы недельку отдохнуть здесь: насладиться свободой, зарядиться ее духом перед погружением в негостеприимную атмосферу колонии. Но брат отправлял меня обратно, курорт кончился на третьем дне.

– А как же проект «Ледник»? – спросил я. – Мой опыт?

– Твое участие было неоценимым, – ледяным голосом произнес брат. – Родина тебя не забудет.

– Мне показалось или в твоих словах кроется издевка?

Сергей Палыч мотнул головой:

– Пойдем-ка выйдем.

Мы вышли на улицу. Спускаясь по заледеневшим ступеням, я на ходу застегивал молнию на куртке – студеный ветер так и норовил под нее забраться. На братце был овчинный полушубок – в таком не замерзнешь даже в лютый мороз. К дверям столовой направлялась группа чему-то смеявшихся инженеров. Пропуская их, мы отошли от расчищенной тропки к кирпичной стене общежития, утонув по колено в сугробах.

– Я тут читал кое-что на досуге, – произнес Сережа, как обычно игнорируя меня и глядя мимо. – Один секретный документ, описывающий паранормальную психическую активность пришельцев. И знаешь, что я обнаружил в разделе «опыт противодействия»? Оказывается, что полтора года назад некто В. Стремнин, защищаясь от телепатии, использовал алюминиевую фольгу, надеваемую пришельцу на голову. Защита оказалась более чем эффективной.

Теперь я понял, почему возвращаюсь на зону.

– Ты знал, какие нужны меры предосторожности при выводе пришельца из анабиоза. Знал! И никому не рассказал об этом! Молча стоял у стеночки и посмеивался! Из-за этого могли пострадать люди!

– Что ты кричишь на весь поселок о пришельцах! – спокойно сказал я. – Не знаешь, что ли, что это секретная информация?

– С самого начала было ошибкой привозить тебя сюда. Именно это я говорил Комиссии, но меня не послушали. Ты самовлюбленный эгоист и заботишься только о своей шкуре!

– Она у меня одна, знаешь ли.

Он со злостью плюнул под ноги:

– Видеть тебя, гада, не могу!

К нам подошел Эдик.

– Вертолет будет через час, – сказал ему брат. – Надеюсь, этого времени хватит, чтобы собрать его пожитки.

Ладонь Эдуарда исполнительно махнула возле виска.

– Слушаюсь!

– Прощай, – сказал Сергей Палыч, так и не посмотрев на меня. – Надеюсь, мы не увидимся очень долго.

Час, выделенный мне братом, чтобы собрать вещи, оказался скрытым издевательством. Чтобы переодеться в лагерную одежду, хватило пяти минут. Я сложил казенное имущество на кровати так, как оно лежало, когда я прибыл в научный поселок. Расставание с холодными армейскими ботинками не вызвало во мне грусти. С курткой на рыбьем меху – тоже. А вот при виде свитера, сложенного в изголовье кровати, сердце обливалось кровью. Любовь Андреевна связала добротную вещь, в лагере бы такая точно пригодилась.

Вообще со специалистом по мышлению и мотивациям хотелось попроситься даже больше, чем со старшим братом, но Любовь Андреевна действительно куда-то делась. Она не появилась ни на завтрак, ни на обед – я бы ее обязательно заметил в столовой. Видимо, возникли какие-то проблемы с сыном, вчера она жаловалась на его кашель. Жаль, что не придется с ней проститься...

Я снова с тоской поглядел на свитер. И решился. Зачем его оставлять? Мужа у Симоновой все равно не было, а деньги я потом вышлю ей почтой. Утешив себя этой мыслью, я быстро надел свитер под фуфайку, и тотчас почувствовал идущее от него необъяснимое тепло. Возвращение в лагерь сразу перестало отдавать горечью.

У подъезда меня поджидал смутно знакомый уазик. Эдик томился у задней дверцы, докуривая сигарету. Он надел на меня наручники, посадил на заднее сиденье, потом раздраженно ткнул клаксон, подзывая отлучившегося водителя. Тот выбежал из-за угла общежития, на ходу застегивая ширинку, прыгнул за руль, и мы поехали.

Ветер таскал по дороге легкую поземку, колеса уазика безжалостно ее давили. Когда мы повернули к аэродрому, я увидел в окно, как из институтских ворот выехали два ярко-красных вездехода. Поднимая за собой фонтаны снега, они устремились в сторону тайги. Интересно, куда направились? На зайцев охотиться?

За «желтой плесенью», вот куда.

Пришелец сообщил место захоронения, и мой братец послал туда группу. Интересно, почему не на вертолете? Возможно, тайник расположен не очень далеко. Сначала его отыщет группа на вездеходах, потом подгонят вертолет, чтобы доставить находку в институт. Вероятно, так оно и было. Некоторое время я размышлял об этом, потом уазик повернул, и красные вездеходы потерялись из виду.

К тому времени как мы добрались до посадочной площадки, милевский транспортник уже раскрутил лопасти, подняв вокруг себя снежную круговерть. Мы с Эдиком пробрались сквозь нее в салон. Я устроился на прежнем месте в дальнем углу дивана. Эдик, которому оставалось жить не более сорока минут, захлопнул дверь, и машина пошла вверх.

Глава 3

ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ

Дюралевые лопасти со свистом рубили воздух над крышей салона. Скалистый хребет тянулся вдоль борта. Я вывернул шею, разглядывая его склоны (когда еще выберусь на вертолетную экскурсию по тайге!), и в этот раз Эдик не стал меня одергивать. Он вообще выглядел понурым, под глазами обозначились круги, даже в позе, в которой он расположился на сиденье, не было привычного щегольства.

– Неважно выглядишь! – крикнул я ему сквозь шум в салоне.

– Да просто задолбало мотаться со всякими уродами вроде тебя. Сразу не могли решить, нужен ты или нет!

– С начальством всегда так, – посочувствовал я. – Сегодня требуют одно, завтра другое. И зачастую эти требования противоречат одно другому.

– Философ лагерный, – отозвался он беззлобно. Потом наклонился к моему уху, чтобы я лучше расслышал: – Забудь обо всем, что видел. Помни о подписке.

– Не переживай! Все будет пучком!

У меня совершенно не было желания увеличивать себе срок. Наоборот, я планировал выйти из колонии как можно скорее. Выйти из колонии... С губ сорвался невеселый смешок. От этого чудного мгновения меня отделяют годы. А силенок, если признаться честно, на эти годы осталось не так уж много. Основную часть с удовольствием высосала зона, а бестолковый вызов в научный поселок подорвал остатки. Треклятый вызов! Он нарушил угнездившиеся было в моей душе смирение и почти буддийский покой.

– Капитан! – крикнул пилот, показывая куда-то вправо. Мы с Эдиком повернули головы. Пилот конечно же обращал внимание моего сопровождающего, но я ведь тоже капитан, хотя и в отставке. В первый момент я не увидел ничего, кроме плывущих склонов и вечернего неба. И лишь присмотревшись, обнаружил, что у нас появился эскорт.

Параллельным с нами курсом вдоль хребта летело что-то вытянутое и серебристое, по форме напоминающее эллипсоид. Объект двигался с неестественной легкостью, как бы насмехаясь над земным притяжением и потугами конструкторов авиадвигателей. Я попытался сопоставить его с размерами елок на склоне, получилось около десятка метров в диаметре.

– Друзья нашего папуаса пожаловали, – недовольно пробурчал Эдик.

– Что делать, капитан? – крикнул пилот.

– Почем я знаю! Доложи на землю, пусть они нам скажут.

Пилот прижал к щеке стебелек гарнитуры и несколько раз запросил авиадиспетчера. Тем временем эллипсоид унесся далеко вперед, потом вернулся. Маневр он повторил дважды. Будто хотел, чтобы мы с ним поиграли. Пилот не поддался на провокацию и, вцепившись в рукоять управления, вел машину в прежнем режиме. Выла турбина. Несущий винт невозмутимо посвистывал. Пилот продолжал вызывать диспетчера.

Устав играть, эллипсоид застыл на секунду напротив нас. Потом плавно скользнул вниз по невидимому склону и скрылся из виду.

– Куда он делся? – крикнул Эдик, тычась лбом в стекло и пытаясь разглядеть, что творится под днищем. Крикнул мне: – Глянь со своей стороны!

Пилот потянулся к матовой коробке радиостанции и раздраженно хлопнул по ней ладонью. Я понял, что с вызовом поселка возникли какие-то проблемы.

Прежде чем я успел выполнить просьбу Эдика, за окном резко сверкнуло, залив салон оранжево-розовым светом. Вертолет вздрогнул от толчка непонятной природы. Моя голова кивнула против воли, но, на счастье, остальное тело было пристегнуто к сиденью – есть у меня

привычка пристегиваться в транспорте, особенно в том, который при движении не касается земли.

Эдика, беспечно проигнорировавшего лямку, выбросило с дивана и как следует приложило лбом о переборку. Винтокрылая машина накренилась на борт и, припадочно трясясь, стала вращаться вокруг оси. Руками в наручниках я вцепился в ремни, преодолевая силу инерции, тянущую то в одну, то в другую сторону. За окнами прокувыркалось нечто большое и темное, кажется, наша хвостовая балка. Сквозь надрывный гул ротора из кабины доносился отчаянный писк, сигнализирующий о потере высоты.

– Садимся, капитан! – проорал пилот, не ведая, что слышу его только я. Эдик, лежавший ничком возле моих ног, не шевелился, лоб у него был залит кровью.

В окнах появились треугольные вершины елей, в хаотичный частокол которых мы совершали «приземление». Темная хвоя окружила, скрыв небо. Упругие лапы били по окнам. Защелкали сучья, потом раздался страшный удар в днище, едва не выбросивший меня из сиденья – снова спас ремень. Пронзительно скрипнул мнущийся фюзеляж. Лопасты с лязгом врубались в стволы, брызнув щепой. В пилотской кабине с грохотом лопнуло стекло, и салон наполнился холодом. Возможно запоздало, я накрыл руками и спрятал между коленей голову. Ми-2 повернуло сначала на один бок, потом на другой. Надрывавшийся вхолостую двигатель взвизгнул и резко заглох. Вертолет замер среди деревьев бог знает на каком расстоянии от земли.

Некоторое время я продолжал лежать, сжимая ладонями затылок, опасаясь, что падение не закончилось и нам предстоит еще метров десять Увлекательного аттракциона под названием «окончание истории про Икара». Но нет, вроде все закончилось.

Я опасно поднял голову.

Под потолком неровно горело аварийное освещение. Салон в некоторых местах покорежился, но сохранил общую геометрию. Левый ряд окон упирался в колючий лапник, за окнами справа виднелась лопасть, согнутая под прямым углом. Воняло керосином.

Лежавший на полу Эдик простонал. Живой!

Скованными руками я отстегнул лямку, поднялся. Пол под ногами опасно качнулся. Машина села на елки весьма ненадежно. Я аккуратно переступил через тело Эдика и, присев, перевернул его на спину. Лоб сопровождающего был разбит в двух местах, но грудь поднималась и опускалась, а изо рта раздавалось хрипловатое дыхание.

– Командир! – крикнул я пилоту. – Ты как там? Где у тебя аптечка? Эдик, по ходу, ранен. Никакой реакции.

Очень осторожно, чтобы не нарушить баланс вертолета, я заглянул за переборку. Пилот сидел в кресле, аккуратно пристегнутый ремнями, и бессмысленно таращился на пульт управления. От уголка рта к подбородку тянулась струйка крови. Блистер кабины на уровне коленей был пробит могучим суком, обломанный конец которого вошел пилоту под ребра, намертво пригвоздив его к спинке кресла.

На всякий случай я пощупал пульс на сонной артерии. Ни единого толчка.

– Твою неваляху! – сорвался я.

За окнами зловеще зашевелились ветви. Вертолет покачнулся и съехал вниз еще на десяток сантиметров. Я замер, расставив ноги и вцепившись в пульт, готовый к любому развитию событий. Но вертолет застыл, на сей раз окончательно.

Вот тебе и возвращение в родные пенаты! Что же теперь делать?

О том, что делать в экстренных ситуациях, написаны горы учебников. Как вести себя, если летящий самолет захватили террористы; как сложиться в кресле этого самолета, если переговоры с террористами завершились неудачно; как защититься от холода на Крайнем Севере; куда бить коленом насильника; где искать воду в пустыне; чем питаться в тайге; с какой стороны растет мох на деревьях и можно ли его есть... Много чего написано в этих учебниках. Однако в них ни словом не сказано о зэках, которые, вместо того чтобы вернуться на зону,

повисли на ветвях посреди тайги в покореженном вертолете в компании с трупом пилота и сопровождающим без сознания. И еще я не упомянул про НЛО, который напрямую был виновником этого бардака.

Салон быстро заполнился холодом. Скованными руками я покрепче нахлобучил на голову тонкую эковскую ушанку. Руки дрожали и плохо слушались. После катастрофы в теле еще гулял адреналин, сердце стучало, как молот. Широко расправив плечи, я несколько раз глубоко вдохнул – этот прием всегда приводил меня в норму. Привел и в этот раз.

Итак, на чем я остановился? Ах да, что делать. Прежде чем что-то делать, нужно освободиться от наручников.

Я стал хлопать Эдика по карманам, разыскивая связку ключей. В процессе поисков ладонь наткнулась на спрятанный под одеждой тяжелый угловатый предмет. Пистолет. Я не стал его трогать. Оружие должно находиться у конвоирующего, а не у эка – пусть даже разума в конвоирующем сейчас не больше, чем в кукле. Если я заберу пистолет, мое поведение можно смело квалифицировать как нападение с целью завладения. А зачем оно мне, спрашивается? Я свою прежнюю статью не расхлебал.

Ключи нашлись в кармане брюк. Выделив из связки нужный кусочек металла, я снял браслеты и убрал их в куртку Эдика, застегнув карман на липучку, чтобы не вывалились – с казенным имуществом следует обращаться бережно. Теперь, когда руки стали свободны, можно приступить к эвакуации.

В вертолете имелись три двери: пилотская, пассажирская и погрузочная. Подход к первой перегораживал пришипленный к сиденью мертвец, третья, находившаяся за диваном, упиралась в ветви и сучья деревьев. Осторожными приставными шагами я приблизился ко второй и попытался ее открыть. Низ двери заклинило, и мне пришлось деликатно, чтобы не перевернуть вертолет, двинуть по ней валенком. Проем открылся наполовину. В лицо дохнуло вечерним морозцем. Спустив одну ногу на петельку трапа, я высунулся наружу.

Нос вертолета, смявшись гармошкой, упирался в толстый кедровый ствол, один из сучьев которого вошел внутрь и забрал жизнь нашего пилота. Задняя часть фюзеляжа и остаток хвостовой балки застряли в мешанине сучьев и хвои. Все остальное висело над пустотой. Деревья здесь расступались, образуя подобие просеки. Между черными кронами елей синела узкая полоска неба.

Ближайший ко мне ствол находился метрах в трех. Вроде недалеко, но я не представлял, как на него перебраться. Путь пролегал через подвесной топливный бак и заднее шасси, карабкаться через которые удовольствия мало. Но даже если я пролезу по ним, не навернувшись, то Эдика этим путем точно не выгатишь. А мне не хотелось оставлять его в вертолете: без сопровождающего я превращаюсь в беглого заключенного, к тому же связанного с убийством.

– Эдик! – позвал я. – Эй, Эдик!

Хоть бы очнулся. Это решило бы многие проблемы. Но сопровождающий предпочитал оставаться без сознания, усложняя мою задачу. Я тяжело вздохнул, оценивая остальные варианты эвакуации. Перебраться на кедр, в который упирался нос вертолета, мешала открытая дверь. Да из-за густой хвои и не продерешься. Попробовать выдавить стекло в салоне, чтобы подобраться к другим стволам? От ударов вертолет мог съехать с шатких опор. Оставалась погрузочная дверь. Есть надежда, что за ней не так много сучьев и у меня получится ее открыть. Если не получится, тогда высажу стекло в салоне...

Оценивая эти варианты, стоя на подножке вертолета над темной пропастью, я вдруг обнаружил, что небо впереди просветлело. Еловые кроны в той стороне окутались бледно-голубым сиянием. Нас нашли! В груди колыхнулась радость, которая тут же растаяла, как только до ушей донесся тонкий чужеродный гул, катившийся между ветвей. Вслед за гулом над просекой возник летающий диск. Тот самый серебристый игрун, отрубивший хвост нашей безобидной «вертушке».

В стену деревьев ударил луч прожектора, пробежал по ней, приближаясь. Не нужно обладать гениальным умом, чтобы догадаться: пришельцев интересовал упавший вертолет.

Присев на корточки, я вполз в салон, раскачивавшийся от каждого движения. Клянусь богом, гора металла, ставшая нашей ловушкой, держалась исключительно на соплях и могла рухнуть в любой момент! Пока я пробирался между кресел, за окном стало светлее. Неизвестный летающий объект приближался.

Из всего спектра неприятностей, которые могли со мной приключиться, менее всего радовала встреча с обитателями этого воздушного транспорта. Память у меня хорошая, и она прекрасно сохранила детали, о которых рассказывал Григорий Львович в комнате для переговоров. Перспектива расстаться с внутренними органами или приобрести хирургические дырки в черепе меня совсем не прельщала. Совсем.

Из вертолета нужно убираться как можно скорее.

Я случайно задел коленом Эдика, отчего он громко простонал.

– Эдик! – Я потряс его плечо. – Эдуард! Очнись!

Никакого эффекта. Фээсбэшник продолжал оставаться без сознания.

Обхватив его за подмышки, я затащил безвольное тело на диван, потом, перебравшись в багажное отделение, перевалил следом Эдика через спинку. Мои действия были очень своевременными, потому что прожектор НЛО наконец нащупал нас, и Ми-2 утонул в море голубого света. Пригнув голову, чтобы не мелькать в окнах, я повернул рычаг и толкнул наружу выгнутую, почти круглую дверь багажного отделения.

Дверь приоткрылась.

Всего сантиметров на сорок, дальше не позволили ветви, упершиеся в нее снаружи, но и этого было достаточно. Пол под ногами ходил ходуном, за порогом не видно ни зги, но я был вынужден рисковать. Нужно вытащить Эдика из вертолета и выбраться самому до того, как в салон войдут пришельцы. А то, что этот волнующий момент непременно наступит, я ни капли не сомневался.

Свет из НЛО повернулся и неожиданно высветил рядом с бортом сосновый ствол. Пространство до него заполняла колючая хвоя, но сосновая иголка мягче еловой, а потому пробраться сквозь нее не составит труда. Мне придется вылезти наружу, найти на что встать, вытянуть Эдика. Главное, не выпустить его из рук, когда примерно восемьдесят килограммов живого веса выскользнут из дверного проема и потеряют опору, в качестве которой сейчас выступает пол салона.

Перед тем как покинуть вертолет, я все-таки забрал у Эдика пистолет. На всякий случай. Это оказался черный угловатый «Грач» с магазином на семнадцать патронов. Я сунул его на временное хранение за пазуху, потом подтащил Эдика головой к выходу, чтобы потом легче было достать с сосны, и полез наружу через дверную щель.

Чтобы попасть на дерево, пришлось совершить небольшой прыжок. Подошвы валенок приземлились на крепкий заледенелый сук, осыпав с него снег. Левая нога соскользнула, но я успел всем телом прижаться к стволу, крепко обхватив его руками.

Придя в себя, я огляделся. Основание сука располагалось метра на полтора ниже днища вертолета. Чтобы определить, где сейчас находится летающая аномалия, я присел на корточки и заглянул под округлое клепаное брюхо.

Серебристый диск висел не далее чем в пятнадцати метрах. Времени, чтобы вытащить Эдика, у меня почти не оставалось, однако я задержался еще на несколько мгновений, потому что борт НЛО стал раздвигаться. В нем образовался светлый прямоугольник, в котором плавали зыбкие очертания двух фигур.

Из-за пушистых ветвей и бьющего по глазам прожектора я не мог толком разглядеть существ, появившихся изнутри эллипсоида. Но одно могу сказать точно: пришельцы, сбившие

вертолет, а теперь явившиеся по наши души, даже отдаленно не были похожи ни на моих прежних знакомых, ни на Спящую Красавицу из бункера.

Это были какие-то новые ублюдки ростом под два с лишним метра и с красными горящими глазами.

Раздвигая и ломая ветви, НЛЮ подплыл к борту вертолета. Надрывный визг двигателей сверлил барабанные перепонки. Времени на эвакуацию Эдика не оставалось. Стиснув зубы, я ухватился одной рукой за ветку, а другой попытался зацепить высывающийся из проема отороченный мехом капюшон. Удалось. Пальцы ухватили за нейлон, потянули.

Из проема вывалилась голова.

«Ничего, все нормально, продолжай тянуть, Валера, продолжай тянуть. Когда он вылезет весь, за капюшон его, конечно, не удержишь, поэтому настанет момент, когда придется отцепиться от дерева и, полагаясь только на крепость своих ног, принять тело на себя. По-другому никак. По-другому не получится. Но это шанс. Это гребаный шанс!»

Вертолет покачнулся, в окне мелькнула тень. Я почувствовал липкий страх.

– Боже мой! – прошептал я, не переставая вытягивать бесчувственное тело из вертолета. Я извлеку его тихо, они даже не заметят, найдут лишь тело пилота, и все! И все!!

Из щели показались плечи, локти... Голова вдруг перестала болтаться и повернулась. Эдик хлопнул веками и очумело уставился на меня. Голова была запрокинута, поэтому в его глазах я был повернут вверх ногами.

– Что п-происходит? – с трудом разлепил он губы.

– Тсс! – яростно прошипел я, не зная, радоваться мне или горевать, что он пришел в сознание. Однако одно могу сказать точно, в тот момент я расслабился и перестал тянуть.

Это было ошибкой.

Позади Эдика что-то мелькнуло, и через мгновение капюшон вырвался из пальцев. Тело до плеч втянулось обратно в багажное отделение. Эдик ударился головой о дверцу и больше ничего не спрашивал – кажется, вновь потерял сознание.

Преодолевая ужас, я опять ухватился за капюшон и почувствовал на другом конце сопротивление. Нечто очень сильное держало Эдика за ноги и тянуло в обратную сторону. Мы с этим «нечто» словно соревновались в перетягивании каната, только наши весовые категории здорово отличались, и противник на другой стороне был гораздо сильнее. Я налег всем телом, сцепил зубы и, кряхтя от натуги, стал подтягивать ветвь, за которую держался. Противоборство с невидимкой продолжалось секунду или две, после чего раздался звонкий щелчок...

Воротник под пальцами дернулся.

Второй щелчок!

После третьего меня оторвало от Эдика и бросило на ствол. Крепкий удар темечком смягчила ушанка, иначе я бы тоже лишился сознания. Плечи и голова Эдика стремительно исчезли за дверью. В секунду. Вмиг. В окнах вертолета вновь замелькали тени, и воздух прорезал жуткий нечеловеческий визг.

Тяжело дыша и с трудом осознавая, что все закончилось, я изумленно разглядывал оставшийся в кулаке отороченный песком капюшон, который, как оказалось, пристегивался к воротнику... *долбаньими кнопками!*

Вертолет несколько раз качнулся, когда космические твари перебирались на борт своей летающей посуды. Пронзительно заверещали двигатели. Окутывавшее Ми-2 сияние опало. Я присел на корточки, еще раз заглядывая под днище. Серебристый диск уходил вдоль по проеме. На своем борту он уносил формально живого, хотя, если вспомнить предыдущие похищения, фактически мертвого человека.

Я остался один посреди темной тайги.

Глава 4

ЕЛКИ, СНЕГ И ПОДЗЕМНЫЙ КАБЕЛЬ

После ухода НЛО резко потемнело. Если раньше я еще видел небо и контуры деревьев, то теперь не мог разглядеть, что творится от меня в двух дрянных метрах. О том, чтобы спуститься на землю, даже и не помышлял. Вместо этого через багажную дверь я опять забрался в вертолет. Хоть он и раскачивался при каждом шаге, но падать на землю вроде не собирался (предположение я пробрил парой осторожных подпрыгиваний). В салоне по-прежнему работали аварийные лампы, являвшиеся единственным источником света на много километров вокруг.

Заглянув в кабину, я обнаружил, что исчезло тело пилота. На сиденье осталась кровь, сквозь разбитый блистер высовывался обломанный сук, но самого пилота не было. Пришельцы забрали и его тоже. Зачем им понадобился мертвец? Спросите что-нибудь полегче. Зачем они вообще это делают?.. Мне ужасно не хотелось ворошить ночью такие невеселые вопросы, поэтому я постарался отодвинуть их на задний план. Надо думать о том, как меня спасут. Оптимистическое настроение обычно придает сил.

Шаря взглядом по кабине, я обнаружил над приборной панелью черный блок импортной радиостанции. Провод от нее тянулся к валявшейся на полу гарнитуре, которая крепилась к шлему пилота до того, как его... в общем, до того, как он исчез. Я подобрал гарнитуру, приложил ее к уху, тронул пуговку включения. Дисплей «японца» высветил частоту: «126,33 МГц» – вероятно, рабочий канал связи с поселком... В наушнике стоял пустой треск. Я покрутил настройку, проверяя другие каналы. Везде одно и то же. Статический шум. Может, с антенной что не так? От хвостовой балки, где она расположена, осталась дай бог половина, однако рожки антенны смонтированы близко к фюзеляжу и не должны были пострадать. Нет, дело не в антенне. В полете пилот тоже не добился ответа от диспетчера. Причина неполадки имела более общий характер, о котором я пока не имел представления.

Рано или поздно в поселке поймут, что связь с вертолетом потеряна, и вышлют на поиски спасателей. Однако раньше утра их ждать не стоит. Искать кого-то ночью в тайге – врагу не пожелаешь. А вот если они отправятся с утра по маршруту полетного плана, то быстро на меня наткнутся. Не так уж далеко я от поселка. Крейсерская скорость Ми-2 около двухсот километров в час, полет продолжался не больше пятнадцати минут, значит, удалились мы не больше чем на пятьдесят километров. Еще до обеда найдут... Представляю, что скажет мой братец, когда ему сообщат о крушении. Что-то вроде: «Людей жаль. Всех, кроме этого небритого разлагающегося ничтожества». Обязательно так скажет обо мне.

Возле пилотского кресла отыскалась спортивная сумка с термосом и двумя бутербродами с сыром, завернутыми в полиэтилен. В термосе оказался чай. Я выпил полкружки и съел один бутерброд. Голод поутих. Второй бутерброд оставил на утро, а вот на обед мне ничего не понадобится – обедать я буду в поселковой столовой.

Заночевал я на пассажирском диване, укутавшись задубевшим на морозе брезентовым чехлом, пристегнув плечи и бедра ремнями безопасности, чтобы ненароком не свалиться во сне. В темноте за окнами протяжно свистел ветер, скрипели деревья, вертолет слегка раскачивался. Мне долго не удавалось уснуть. Стоило закрыть глаза, как в голове вспыхивали эпизоды падения, Эдик, которого я пытаюсь вытащить из вертолета, пришельцы в открытом люке НЛО... Кошмарные видения не отпускали всю ночь, и я проснулся еще затемно, ощущая на месте головы камень.

Позавтракав остывшим чаем и вторым бутербродом, я дождался рассвета, наконец позволившего увидеть землю. До сугробов, витиевато расписанных желтыми струями топлива,

лившегося вчера из пробитого бака, оказалось метров восемь. Я забрал сумку пилота, аптечку, покрепче заткнул за пояс «Грача», похоже, оставшегося у меня насовсем, и без особых проблем спустился по сосне на снег. При свете это оказалось совсем не сложно.

Снизу повисший на деревьях вертолет казался мертвым драконом, упавшим с неба. Завез меня черт знает куда и подох... Грудь прорезала тоска, и я снова принялся за психотерапию, повторяя, что скоро, очень скоро меня найдут.

С этим заклинанием я просидел под елками больше шести часов, слушая небо в ожидании гула поискового вертолета. Мысли рисовали картину, как меня накрывает большая тень, а из рупора катится обнадеживающий голос, что, дескать, тебе больше не о чем беспокоиться, мужик, мы тебя вытащим!.. Но беспокоиться было о чем, ибо время обеда давно прошло, а с неба не раздавалось ничего, кроме шуршания ветвей и вороньего карканья. И мысли стали рисовать совсем другие, безрадостные картины.

А если меня не найдут? Что тогда делать? Куда идти? Без денег, без документов, без еды. Мать честная, ко всему еще получается, что я – беглый зэк!

На исходе седьмого часа я понял, что спасение извне по каким-то причинам откладывается и выручать себя придется самому. Больше нет смысла сидеть на месте, нужно отправляться в поселок пешком. Пятьдесят километров – не самое большое расстояние, можно и прогуляться. Середина декабря, снега выпало немного. Нужно только найти, в какой стороне находится хребет. Следуя вдоль него, я обязательно выйду к секретному поселку, мимо не пройду.

Найденным в сумке маркером на выдерганном из блокнота листке я набросал записку. Что-то вроде: «Я, заключенный Валерий Стремнин, оставшийся в живых после катастрофы вертолета, не сбежал, а отправился вдоль хребта к поселку Научный. Будете лететь этим путем, поглядывайте вниз». Записку приколот на сук, а чтобы ее быстрее нашли, обвязал дерево зеленым фанатским шарфом хоккейного клуба «Салават Юлаев», болельщиком которого, по всей видимости, являлся пилот. Только после этого отправился в путь.

Интуитивно выбранное направление оказалось верным. К середине второго часа пути тайга поредела и за деревьями стали проглядываться контуры хребта. Я двигался вверх по руслу заледеневшего ручья, обходя холмы, бурелом и непроходимый ельник. Валенки с хрустом давили тонкую корку наста, холодный воздух щекотал ноздри. Хотелось есть, но голод пока был терпим – организм черпал энергию из каких-то внутренних резервов. Однажды на глаза попался заяц-беляк, грызущий березу. Заслышав скрип снега, он сиганул прочь, не дав мне и секунды вытащить пистолет из-за пазухи. Еще я видел припорошенный, а значит давний след лосиного копыта. В общем, мясо здесь водилось, главное не зевать.

Ручей вывел меня на предгорья, за которыми уже начинался хребет. Его вершины скрывались в серой пелене, весь день затягивавшей небо. Поселок лежал севернее, за скалистым отрогом. Я поставил себе цель перевалить через него до наступления темноты, но в итоге с задачей не справился, заплутав в низине. К отрогу я попал, когда уже стемнело. Поплутав еще немного в поисках подходящего для подъема участка, я наконец забрался на гребень, где рухнул без сил под первым же деревом и провалился в сон.

Наутро меня разбудил лютый голод. За ночь холод пробрал до костей, но голод все равно был сильнее. Попадись мне вчерашний заяц, слопал бы его вместе с ушами, хвостом и лапами, но после того раза зверь больше не встречался.

Я сел на снег, откинувшись на ствол кедра, и поглядел на бескрайний лес, тянувшийся вдоль хребта. Продолжать путь не было абсолютно никакого желания. Я чувствовал себя дико уставшим, хотелось бросить в желудок чего-нибудь аппетитного и калорийного, хотелось прижать спину к жаркой печке и хлебнуть горячего чаю (водку мой организм с некоторых пор не

принимал) – в общем, много чего хотелось, но вместо этого пришлось собрать волю в кулак, заставить себя подняться из сугроба и отправиться дальше.

Спускаясь с отрога, я увидел в долине темное пятнышко посреди снега и деревьев. Без сомнений, это была человеческая постройка, но понять ее назначение через разделявшие нас километры было невозможно, как я ни напрягал зрение. Объект находился в стороне от моего маршрута, но я решил сделать крюк и добраться до него. Это могло подорвать мои силы, которых без того осталось немного, но нужно было рискнуть.

Я спустился в долину, долго шел сквозь голый лиственный лес и, казалось, уже потерял направление, когда среди деревьев показался сруб из темных бревен, накрытый шапкой снега. Обрадованно крикнув, я перешел с шага на хромую рысцу, торопясь к аккуратной таежной избушке.

В печке-буржуйке весело трещали дрова и плясал огонь. Идущий от чугунных стенок жар разгонял холод в избе и медленно согревал мои продрогшие кости. Я развалился на старом раздрябанном стуле, ощущая неземное блаженство. Голые ноги, одна на другой, закинута на войлочную стельку, положенную на край печи, рядом закипал рис в кастрюльке. Банки с крупами я нашел на полке в углу. Там же отыскались спички, соль, стеклянная банка с чаем, несколько газет шестимесячной давности и замусоленный боевик Бушкова в мягкой обложке. Рис был потемневший и наверняка прогорклый, но я забрел в эту избушку не для того, чтобы дегустировать блюда нового парижского ресторана.

Избушка, судя по всему, являлась охотничьим зимовьем. Периодически ее кто-то навещал, чтобы обновить продукты, дрова, просушить матрацы на койках, законопатить щели и подремонтировать кровлю. Жилище скромное, без излишеств, но для задубевшего зэка, пережившего авиакатастрофу, пришествие инопланетян и суточный марш-бросок на голодный желудок, это было в самый раз.

В самую точку, я бы сказал!

Не найдя ложки, я ел рис пальцами, давясь и обжигая нёбо горячей пищей, подбирая каждую рисинку с тарелки. Потом, растянувшись на пружинной кровати, с горячим стаканом чая, зажатым в варежке, шумно всасывал небольшие порции горьковатого пойла и наполнял избушку блаженными вздохами. Когда стакан опустел – просто лежал, закинув руки за голову, ни о чем не думая, наслаждаясь теплом, слушая шелканье поленьев в буржуйке. Сонный взгляд лениво скользил по бревенчатым стенам, изучая детали примитивного интерьера... И обнаружил предмет, не замеченный до сего момента.

Сонливость как рукой сняло. Я сел на кровати.

На тумбочке, на ее вздувшейся от влаги фанерной крышке стоял темно-зеленый металлический ящичек. В армии я часто сталкивался с такими устройствами, поэтому мне не пришлось долго гадать, чтобы узнать в аппарате *полевой телефон*...

Приютившая меня избушка таила куда больше загадок, чем казалось на первый взгляд. Определенно, аппарат стоит здесь не просто так, а связан по телефонной паре с другим аппаратом, находящимся за много километров отсюда. Интересно где? И кто дежурит около него?

«Может, поднимешь трубку и узнаешь?» – сказал я себе.

Просунув ноги в валенки и протяжно скрипя половицами, я подошел к тумбочке. С сомнением отщелкнул на крышке сначала один замок, затем второй. Так и есть. Под крышкой лежала трубка, обмотанная черным силиконовым шнуром, рядом торчал рычаг нажимного индуктора. Я несколько секунд разбирался, что и как, потом размотал шнур, накачал ток и поднес к щеке ледяной эбонит.

Из трубки раздались отчетливые длинные гудки. Ну ни фигя себе, работает! Прямо как в квартире!

Ожидание длилось не меньше минуты. Я периодически подзаряжал линию качанием рычажка. Наконец послышался щелчок и из трубки раздался удивленный молодой голос:

– Аллю.

– Это кто? – спросил я.

– А ты сам что за перец?

– Моя фамилия Стремнин...

– Сергей Павлович? – удивился собеседник.

Похоже, я попал в яблочко.

– Нет, это Валерий Павлович, его брат... Слышь, земляк, это ведь поселок?

– Допустим, – недоверчиво ответил он.

– Ты из отряда охраны?

– А что?

– Слушай, служивый, будь другом, попроси дежурного позвать Сергея Палыча к трубке. Скажи, брат его спрашивает. Неприятности тут случились, у меня и у вас. Пусть немедленно перезвонит, я буду ждать у этого телефона. Передашь?

– Постараюсь, – растерянно произнес собеседник. Чувствовалось, что раздвоение начальственной фамилии его озадачило. Неудивительно. Не все знают, что у образцового полковника ФСБ Сергея Стремнина в мире существует непутевый младший брат.

Прошло около десяти минут. Я подкинул дров в печку, постоял возле нее, грея руки и поглядывая на телефон. Наконец раздался звонок.

– Ты еще жив, сучий потрох? – донесся из трубки голос братца. Да, это Сергей Палыч, без подставы. Только он умеет встретить потерявшегося родственника ласковым бодрящим словом. – Я не поверил, когда мне сообщили, что ты звонишь из нашего зимовья. Что случилось? Где Эдик?

– Это я у тебя хочу спросить, что случилось! Где спасатели? Какого лешего меня никто не ищет? Наш вертолет был сбит НЛО. Эдика и пилота забрали, я едва спасся!

– Понятно, – сухо ответил он.

– Что тебе понятно? Что?.. Куда я забрел, ты можешь объяснить?

– Это наше охотничье зимовье. Оно расположено в тридцати километрах от поселка.

– Немедленно заберите меня!

– Мы не можем.

– Что значит не можем? – разозлился я. – Я тут подышать, что ли, должен?

– Мы не можем тебя забрать, – терпеливо повторил брат. – Поселок блокирован. Люди и транспорт пропадают в тайге, связи с внешним миром нет. За последние тридцать восемь часов ты единственный, кто вышел с нами на связь.

– Это что, шутка? Если да, то очень глупая.

Сергей Палыч тяжело вздохнул, и я понял, в каком он сейчас напряжении и как тяжело ему сохранять хладнокровный тон.

– Это не шутка, – ответил брат. – Все началось с исчезновения Любови Андреевны. Теперь ясно, что она пропала тем же вечером, когда состоялся допрос. Вероятно, от нее противник получил сведения о нашем проекте и решил перейти к активным действиям. Позавчера, сразу после того как я отправил тебя в исправительную колонию, на поселок был совершен налет. Нам удалось сбить один НЛО, но их было не меньше десятка. Оружие пришельцев вывело из строя весь транспорт, включая второй вертолет. Мы немедленно эвакуировали жителей поселка в бункер под зданием института и заняли вокруг него оборону. До сего момента мы остаемся на этих позициях.

– С ума сойти! – огорошено пробормотал я.

– На следующее утро НЛО исчезли, а мы обнаружили, что умерла связь. Невозможно ни принять, ни передать сообщения, ни даже отстучать азбукой Морзе паршивый SOS – при-

шельцы глушат все подчистую. Мы в полной изоляции. В полной! Возможно, в Москве уже обеспокоились нашим молчанием. Хотя я сомневаюсь, эти бюрократы всегда долго запрягают. В общем, не став дожидаться спасения извне, я сформировал отряд из четырех человек, который должен был добраться до поселка Усрут, что в семидесяти километрах на востоке, и установить оттуда связь с Москвой. Отряд ушел в тайгу вчера днем. А сегодня утром на склон сопки были сброшены четыре изуродованных тела.

Я почувствовал, как ногти больно впились в ладони.

– Охранники, дежурившие на крыше здания, рассказывали, что видели в бинокль на окраине леса высоченных пришельцев, бродивших между деревьями. У них были длинные руки и красные глаза... Я не знаю, что делать, Валерка. Противник отрезал нас от внешнего мира, и даже если в Центре вскоре зашевелится, то не факт, что к нам смогут пробиться... За последние две сотни лет Земля трижды подвергалась столь массированным атакам. Последняя произошла в 2003 году, когда после налета НЛО на энергетические объекты США несколько штатов от Нью-Йорка до Детройта остались без электричества. В основном мотивы пришельцев остаются неясными, но в нашем случае мы точно знаем, чем они интересовались. Чтобы выстроить логическую цепочку, много ума не нужно. Пришельцы тоже ищут капсулу с «плесенью».

– Зачем?

– Спроси у них! Может, чтобы использовать как оружие и угрожать другим расам. Я не знаю. Мне лишь известно, что если мы не найдем тайник через пять дней, то питание капсулы исчезнет и агрессивная биологическая культура неземного происхождения, обладающая способностью к быстрому делению, вырвется на свободу и в кратчайшие сроки уничтожит нашу цивилизацию!

За окнами таежной избушки завывал холодный ветер. Голос брата из трубки казался невероятно далеким.

– Спящая Красавица рассказала, где оставила капсулу?

– Показала на карте. Тайник замаскирован под камень в пещере под сопкой Улус-Тайга.

– Где это?

– В девяноста километрах на востоке от нас.

– Симонова была похищена первой. Она знала место захоронения?

– Нет. О нем знали только я и Штильман. Ну и пришелец, разумеется. Ты четвертый.

– То есть верзилы не получили сведений о точном местонахождении капсулы?

– Нет.

– Тем не менее они откуда-то знают, что она скоро откроется – не зря же засуетились только сейчас?

– Перед гибелью звездолета Бульвум выбросил в космос сигнальный буй с бортовым журналом, в котором, в частности, была информация о заряде энергетической капсулы. Он надеялся, что буй подберут представители его расы, но теперь очевидно, что боржурнал попал к верзилам, как ты их назвал... Верзилы не дают нам добраться до тайника. А до него необходимо добраться! Если честно, я голову сломал, как это сделать.

Пауза в трубке.

– И вдруг появляешься ты! Звонишь из зимовья по убогому телефону и материшься, чтобы тебя вытащили оттуда. Эту связь пришельцы не смогли обрезать, она идет по подземному кабелю. То, что ты забрел в эту зимовку, большая удача! Валерка, ты единственный, кто оказался за пределами блокады, понимаешь?

– Допустим, понимаю. И что?

– Ты должен нам помочь.

– Чем? Я обыкновенный зэк. Что я могу?

– Я не прошу тебя геройствовать. Просто найди капсулу и сожги то, что находится внутри.

– А как же отряд, отправленный на ее поиски? – вспомнил я о красных вездеходах.

– Откуда ты о нем знаешь? – насторожился старший Стремнин.

– Во сне увидел.

Он помолчал, думая, говорить ли.

– Боюсь, что отряда больше нет. До налета мы держали с ним непрерывную связь. В момент, когда она прервалась, в той стороне раздались взрывы.

– Полагаешь, что в отличие от твоего отряда у меня есть особый пропуск через леса?

– Отряд был слишком заметен. Ты отправишься один, и в этом будет твое преимущество. Что скажешь?

Хорошо, что нас разделяло тридцать километров тайги. Если бы Сережа оказался рядом, за следующие слова он задушил бы меня голыми руками.

– Нет, – ответил я.

– Повтори громче, я не расслышал, какой-то фон в трубке.

– Я сказал «нет»!

– Что-о? – взревел Сергей Палыч. – Ты задницей слушал, когда я все это рассказывал?

– Нет, ушами. Но я считаю, что затея рискованная. Видел я тех гигантов, мрак и только! Да и куда я попрусь за девяносто километров без еды, снаряжения и документов? А если меня схватят люди в погонах? Беглый зэк – кто поверит, что я выполняю спецзадание?

– Я тебя в рог сверну! – зарычал брат. Уверен, так бы и произошло, если бы он пролез в телефонную трубку.

Пока Сергей Палыч бушевал на другом конце провода, я небрежно рассматривал ногти.

– Хорошо, – наконец угомонился он. – Что тебе нужно?

Сережа раскусил, к чему я клоню. Ради приличия я сделал вид, что вопрос застал меня врасплох, хотя условия сделки уже созрели в мозгу.

– Мне нужно полного пересмотра моего уголовного дела и – о чудо! – неожиданно вскрывшихся доказательств моей невиновности.

– Ты с ума сошел?

– Нет.

– Как, по-твоему, я это сделаю?

– Не знаю, пораскинь мозгами. У тебя есть связи в Управлении. После этой операции наверняка медаль дадут, станешь в Кремль захаживать. Вот и замолвишь словечко.

– Не уверен, что получится.

– Тогда миру наступит хана.

– Сволочь!

– Просто с некоторых пор мне требуется нечто более материальное, чем слова об ответственности перед Отечеством.

– Предположим, я соглашусь. Какие тебе потребуются гарантии? – напряженно спросил он.

– Достаточно твоего слова. Все знают, что если Сережа Стремнин дал слово, он в лепешку расшибется, но сдержит его. Пообещай, что, когда все это закончится, ты вытащишь меня из тюрьмы.

Я чувствовал, что поставил его в тупик. Сергей Палыч не хотел просто так разбрасываться своим драгоценным словом.

– Ты точно выполнишь мое поручение?

– Гадкие наступили времена, правда? Приходится верить друг другу на слово.

– Я бы не стал тебе верить. Но выбор невелик.

– Нет у тебя выбора.

Он помялся.

– Хорошо. Даю слово.

Обещание прозвучало в устах старшего брата Стремнина веско, по-особому. Я мысленно возликовал. Это хорошая сделка. Отмаршировать девяносто километров по тайге, чиркнуть спичкой и выйти на свободу. Нет, это не просто хорошая – это великолепная сделка! Поздравляю, Валерий Павлович, вы схватили за хвост удачу.

– По рукам, – сказал я.

– Если не дай бог... – припугнул он.

– Не волнуйся. Лучше объясни, как отыскать сопку.

– Тебе нужно идти на поселок Ускут. В двадцати километрах от него находится небольшой хребет под названием Тамаринская стрелка. Сопка прямо за ним. Где-то на полке под газетами должна быть карта района. Вход в пещеру расположен у основания западного склона, примерно посередине.

– Понял. Найду. Осталось утрясти последнюю мелочь. Если я отправлюсь пешком, то вполне могу потратить на дорогу оставшиеся пять дней.

– Об этом не беспокойся. За избушкой есть сарай. Ключ от замка за наличником входной двери. В сарае найдешь «Буран». Он старенький, но исправный.

– Пройдет ли «Буран» сквозь тайгу?

– На карте обозначены некоторые тропы и дороги, но вообще у нас редкие леса, так что не беспокойся... В дальнем углу сарая найдешь еще полбочки бензина и канистру. Залей полный бак и обязательно прихвати с собой про запас канистру – «Буран» жрет бензин как черт.

– Знаю, приходилось иметь дело.

– До поселка доедешь за три-четыре часа. Только смотри осторожнее! Эти твари летают над тайгой, так что поглядывай на небо.

– Что обо всем этом говорит Бульвум?

– Он уже ничего не говорит.

– Вот как? Подох?

Братишка смущенно кашлянул:

– Вообще-то он входил в группу, которую я отправил на поиски «желтой плесени».

– За-ши-бись!

– Из Москвы поступил прямой приказ задействовать его в поисках. Даже вертолет запретили использовать, опасаясь за его безопасность. Бульвум должен был указать точное место захоронения капсулы.

– Здорово он его указал! Это животное наверняка уже переметнулось к своим братьям.

– Вряд ли. Я почти уверен, что он погиб вместе с остальными. Григорий Львович, кстати, тоже был там. Слишком внезапной была атака, чтобы кто-то успел выжить. Валера, вся надежда на тебя.

– Если в сарае действительно стоит «Буран», то уже завтра я буду у сопки.

– Главное – уничтожить образец «плесени». Тебе нужно развести костер, положить капсулу в центр и отключить питание – на оболочке имеется кнопка. Когда защита исчезнет, «плесень» сгорит в огне прежде, чем успеет размножиться. Выпускать ее на волю ни в коем случае нельзя, по словам Бульвума, эта биоккультура очень быстро размножается, а когда достигает определенной массы, для ее уничтожения требуются уже температуры совсем иного порядка.

– Только береги себя, Сережа, – пожелал я на прощание. – А то как мне потом объяснять, что я с тобой договаривался?

Мы сухо попрощались.

Я положил трубку и отрешенно посмотрел в окно, за которым начинались необъятные белые пустоши, утыканные куцыми листовницами. Это я, конечно, лихо загнул, что к завтрашнему дню доберусь до сопки. Когда воочию видишь прорву лежащих впереди километров, лихость рассасывается сама собой.

То, что произошло в Научном, не укладывалось в голову. Сергей Палыч пересказывал события сухо, не предаваясь эмоциям, но можно себе представить, какой кошмар творился в поселке. Стремясь заполучить «желтую плесень», пришельцы решились на беспрецедентный шаг, а значит и в будущем ни перед чем не останутся. Так что кроме природных препятствий у меня на пути обязательно встретятся небесные гады, испытывающие патологическую страсть к препарированию живых людей.

Под стопкой газет на полке я отыскал сложенную туристическую карту, затертую и порванную на сгибах. Когда ее развернул, лист едва не развалился в пальцах, словно древний манускрипт. Я разложил части на кровати, зажег керосиновую лампу и, держа ее над головой, опустил на колени, исследуя топографию местности.

Хребет, вдоль которого я шел, бросался в глаза выпуклыми рыжими кляксами, растянувшимися в левой части карты. В одном месте возле него шариковой ручкой был подрисован домик с надписью: «Ты здесь, мужик!» Я провел пальцем до конца хребта. Поселок Научный, как и подобает секретному объекту, на карте отсутствовал.

Для поисков конечной точки предстоящего путешествия потребовалось больше времени. Я перешел на другие листы, водя пальцем по названиям рек, сопок и болот, привыкая к их звучанию, запоминая. Все эти препятствия мне еще предстоит форсировать. Хорошо, что сейчас зима – реки и болота покрылись льдом, хотя остальные пространства наверняка густо усеяны лесами, и еще придется помучиться, продираясь сквозь них, как бы ни убеждал мой брат, что здешние территории больше похожи на городской парк.

За меридианной линией обнаружилась горстка прямоугольников, обозначенных как поселок Ускут (жил.). На некотором расстоянии от него изогнулась тонкая линия – хребет Тамаринская стрелка. Прямо за ней рыжел ребристый бугор с точкой на вершине и цифрами «2203», обозначающими высоту.

Конечная цель моего путешествия.

Сопка Улус-Тайга.

Лимонно-желтый «Буран», который я нашел в сарае за избушкой, был громоздким и побитым. Судя по виду, на нем не раз застревали, шли напролом сквозь кусты и сушняк, прыгали с трамплинов, переворачивались по пьяной лавочке. Он отслужил свое и, глядя на пенсионера, в меня закралось сомнение, что снегоход еще способен передвигаться кроме как на буксире. Однако когда я залил бак и дернул стартер, двигатель исправно зарокотал, вываливая из выхлопной трубы едкий сизый дым.

Я закрепил на багажнике полную канистру, топор, который нашел в сарае, котелок, набитый крупами и всякой хозяйственной мелочью, включая спички. Нахлобучил на лоб поверх ушанки защитные очки на пол-лица, выкатил снегоход из сарая. Запер дверь на замок, вернул ключ за наличник и по старой примете присел на крылечке перед дорогой.

Сквозь серое марево на небе виднелось тусклое пятно солнца. Дико хотелось курить, просто мочи нет как хотелось, но в избушке не нашлось ни грамма табаку... Почему-то вспомнилась Любовь Андреевна. Не верилось, что именно она оказалась еще одной жертвой пришельцев. Не какой-нибудь сотрудник института, не мой заносчивый брат – именно она, милая и сердечная женщина. Я не заблуждался насчет того, что с ней стало, но не хотел дальше развивать эту мысль. Начнешь представлять, какая участь ожидает петербургского психолога во владениях пришельцев, будет совсем гадко на душе. Интересно, что стало с ее семилетним сынишкой? Смышленный был такой пацан. Забыл спросить у Серого насчет него. Наверное, приютил кто-нибудь на время, пока не закончится переполох. А сейчас он вместе с остальными детьми прячется в бункере.

М-да, пора мне ехать. А то вконец расчувствуюсь.

С кряхтением поднявшись, я натянул на лицо очки, оседлал снегоход и тронулся в путь.

Чтобы привыкнуть к управлению снегоходом, я держал скорость не выше тридцати километров в час. По снежной целине «Буран» пер словно танк: давил гусеницами сугробы, перепрыгивал через ямы и бугры, забирался на любые склоны. Стандартную рулевую лыжу у него заменяла широкая полоса стали, которую не страшили ни кусты, ни молодые побеги – и те, и другие она давила с легкостью и пренебрежением. При движении снегоход издавал звук, похожий на визг раненого кабана, а на виражах так и норовил выбросить из сиденья. Позже я разобрался, что при маневре надо привставать и клонить тело в сторону поворота.

Мой путь лежал через небольшую долину, судя по карте, наполовину покрытую болотами. Островки деревьев то и дело сменялись ровными снежными плоскостями с торчащими из них стрелами тростника. Лед был крепким, и в этих местах я увеличивал скорость. «Буран» летел вперед, оставляя позади километры пути, рулевая лыжа ломала тростник с веселым хрустом. Пока есть возможность ехать быстро, нужно этим пользоваться. Потом начнется глухая тайга, сопки – скорость продвижения упадет в несколько раз.

Периодически я оглядывал небо. Не знаю, как вам, а мне не хотелось попасть на лабораторный стол, чтобы испытать на себе достижения взвешенной хирургии. Но пока ничто не нарушало серую хмурь над болотами. Надеюсь, так будет продолжаться и далее.

День начал меркнуть, когда я достиг основания гряды сопки, которыми заканчивалась долина. «Буран» не без труда затащил меня на одну из них. На вершине я нажал на тормоз, чтобы перевести дух – после полутора часов езды отечественный снегоход превратил позвоночник в каменный столб и вытряс кишки. Потирая ладонями подмерзшие щеки и подбородок, я оглядел лежащую впереди местность.

Слева растянулось озеро, названное на карте Хорыс-Холь. Я бы с удовольствием прокатился по его ровному льду, как по автостраде, однако мой маршрут проходил совсем в другой стороне, через большой хвойный лес, расстилавшийся пушистым ковром до самого горизонта. За ним торчали какие-то сопки, одной из которых, возможно, и была Улус-Тайга, хотя это слишком оптимистичное предположение. До заветной цели еще пилить и пилить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.